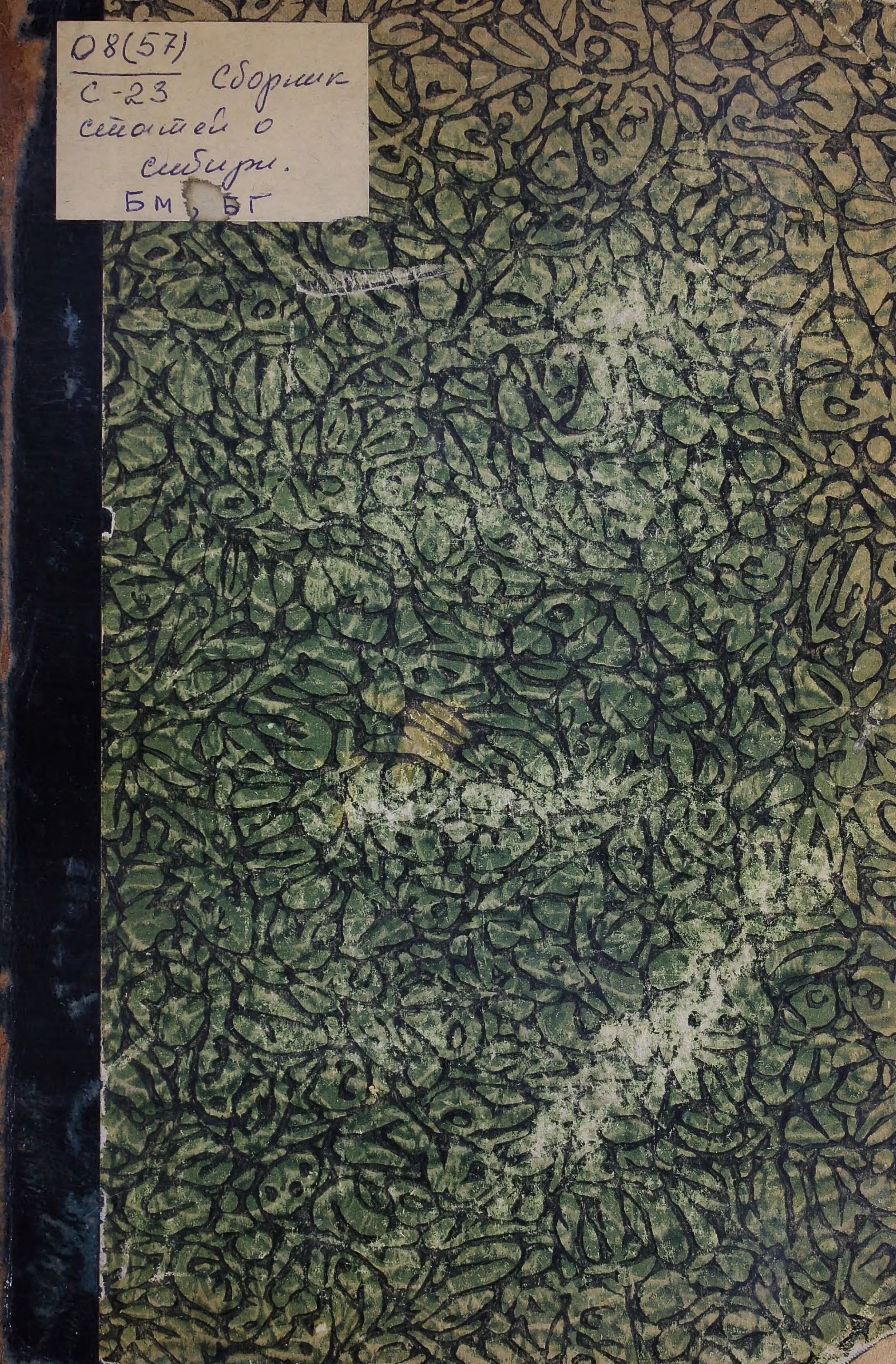
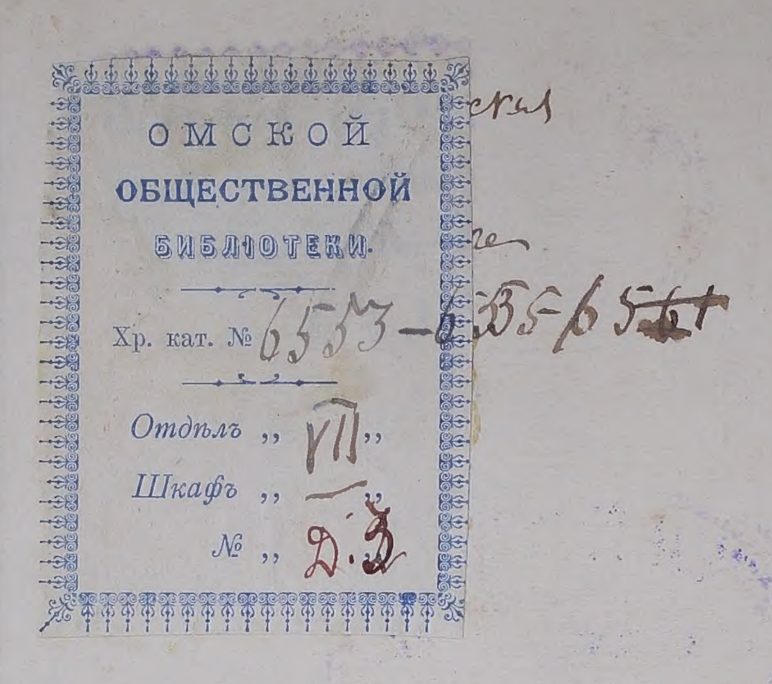
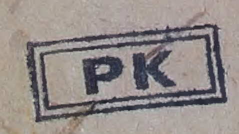

08(57)
С-23
Сборник статей о Сибири.
БМ [illegible] БГ

РК

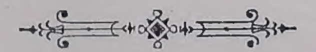
РУССКІЯ ПОСЕЛЕНІЯ

ЗА ЮЖНЫМЪ АЛТАЙСКИМЪ ХРЕБТОМЪ

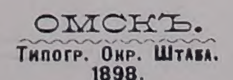
НА КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦѢ.

Е. Шмурло.

ИЗЪ „ЗАПИСОКЪ“ ЗАП.-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, КН. XXV.

ОМСКЪ.
Типогр. Окр. Штаба.
1898.

Печатано по постановленію Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Современная колонизація южныхъ пограничныхъ окраинъ Сибири и ея значеніе для науки.

Колонизаціонное движеніе русскаго народа на Востокъ—одна изъ любопытныхъ страницъ нашей исторіи. Одною изъ особеннотей этого своеобразнаго русскаго Drang nach Osten является возможность прослѣдить его, если и не съ первыхъ моментовъ, то по крайней мѣрѣ вплоть до нашихъ дней, что ставитъ современнаго изслѣдователя въ обстановку исключительно благопріятную. Въ то время, какъ многое иное русскому историку приходится изучать по едва лишь сохранившимся памятникамъ, по обрывочнымъ, неполнымъ, зачастую прямо искаженнымъ даннымъ, здѣсь передъ нимъ фактъ, еще не успѣвшій стать прошлымъ, фактъ еще совершающійся, который можно видѣть, я бы сказалъ: реально осязать,—положеніе, въ какомъ едва-ли часто привыкли находиться изслѣдователи старины. Конечно, было-бы легкомысленно искать въ картинѣ современной колонизаціи полнаго отраженія прошлаго и не замѣчать, какъ существенно и во многомъ измѣнились прежнія условія и вся его обстановка; но въ тоже время нельзя оспаривать и того, что характеръ нѣкоторыхъ чертъ этого любопытнаго явленія остается и понынѣ такимъ-же, какъ и въ ту отдаленную пору, благодаря чему изслѣдователь не разъ чувствуетъ, какъ на него, среди формъ современнаго процесса, нѣтъ-нѣтъ да и пахнетъ далекой, забытою стариною.

Вотъ почему, изучая колонизаціонное движеніе русскаго народа на всемъ пространствѣ его тысячелѣтней исторіи, отъ той поры, когда съ Кіевскаго Приднѣпровья, съ Новгородскаго Волхова онъ двинулся въ далекій путь, съ тѣмъ, чтобы еще и по настоящую минуту не дойти до послѣдней стоянки, позволительно питать надежду сегодняшнимъ днемъ объяснить вчерашній, истершіяся, поблекшія, а гдѣ совсѣмъ утерянныя черты прошлаго возстановить и объяснить, хотя-бы въ слабой степени, хотя-бы лишь приблизительно, явленіями и формами современной науки.

Но для этого необходимо одно существенное условіе. Вниманіе изслѣдователя должно остановиться не столько на той колонизаціи,

что̀ въ такихъ крупныхъ размѣрахъ за послѣдніе годы происходитъ на нашихъ глазахъ, такъ сказать, внутри предѣловъ Русскаго государства, сосредоточиваясь почти исключительно вдоль созидаемаго Великаго Сибирскаго пути, сколько на колонизаціи пограничной, той, что совершается вдалекѣ отъ родного ядра, лицомъ къ лицу съ чужеродцемъ и иноземцемъ, на той колонизаціи, которая, собственно говоря, главнымъ образомъ и обусловливаетъ мирное завоеваніе нами Азіатскаго материка, нашъ историческій и культурный Drang nach Osten. Колонизація центральной полосы Сибири,—это колонизація придорожная; она слишкомъ уже претерпѣваетъ воздѣйствіе *современныхъ* условій жизни, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе переходя въ опредѣленную программу, въ заранѣе выработанный и составленный планъ дѣйствій. Регулируемая административнымъ воздѣйствіемъ, она утрачиваетъ поэтому тотъ характеръ, который сближалъ-бы ее съ колонизаціоннымъ движеніемъ былыхъ временъ. Конечно, и въ старину, параллельно съ колонизаціей народною, шла колонизація правительственная, но эволюція административнаго воздѣйствія, равно какъ и эволюція формъ этого воздѣйствія, совершается всегда быстрѣе эволюціи мотивовъ чисто народныхъ, а потому изучать старину въ концѣ XIX столѣтія по формамъ современнымъ становится дѣломъ довольно затруднительнымъ.

Не то колонизаціонное движеніе, когда оно болѣе или менѣе предоставлено самому себѣ: народный умъ, народная воля проявляются тутъ гораздо ярче, полнѣе, безъ помѣхи; и если въ чистомъ видѣ подобное явленіе едва-ли уже гдѣ встрѣтится, то все-же еще сохранились немногіе уголки, гдѣ можно наблюдать до извѣстной степени приближеніе къ такому типу. Такіе уголки въ наше время приходится искать на южныхъ окраинахъ Сибири, вдоль Китайской границы. Тамъ, на этихъ громадныхъ пространствахъ, почти совсѣмъ не изслѣдованныхъ и неизвѣстныхъ, на этихъ почти пустынныхъ земляхъ съ рѣдкимъ населеніемъ, административное вліяніе слишкомъ еще ничтожно, чтобы оказать активное давленіе и вообще поставить серьезную преграду искателю «новыхъ землицъ». Послѣднему тамъ сравнительно еще полный просторъ; до извѣстной степени онъ тамъ еще является въ роли стариннаго «промышленника», «землепрохода», что̀ нѣкогда шелъ на Востокъ, въ сущности, куда глаза глядятъ, шелъ всегда на собственный рискъ и удачу, не въ роли лица опекаемаго, а самостоятельнымъ человѣкомъ, которому не на кого и не на что было надѣяться, кромѣ собственной энергіи, сметки и силы воли.

Одну изъ такихъ мѣстностей мнѣ пришлось посѣтить лѣтомъ 1896 г. Въ юговосточномъ углу Семипалатинской области, на южныхъ склонахъ Алтайскаго хребта, въ бассейнѣ р. Кабы, къ востоку отъ озера Марка-куля, близь самой Китайской границы, за послѣдніе годы утвердились незваные русскіе гости—переселенцы и сдѣлали попытку обосноваться тутъ нѣсколькими поселками. Бассейнъ Кабы для насъ край совершенно еще новый, какихъ нибудь 15 лѣтъ[1]) всего вошедшій въ черту русской государственной территоріи, край, такъ сказать, еще свѣжій, почти непочатый. Уже въ одномъ этомъ особенный интересъ его. Интересъ усиливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что рядомъ съ Кабою, въ видѣ посредствующаго звена, предварительнаго этапнаго пункта, наблюдателю приходится ознакомиться съ другой полосою: съ долиной средняго теченія р. Бухтармы. Эта долина въ полномъ объемѣ стала русскою нѣсколько раньше Кабы, приблизительно лѣтъ 25 назадъ, и своимъ заселеніемъ наполовину обязана иниціативѣ правительственной, элементу военному, казачьему. Сопоставленіе двухъ культуръ, крестьянской и казачьей, двухъ колонизацій, народной и правительственной, очевидно, напрашивается само собою, не говоря уже о томъ, что изъ сравненія вообще легче познаются основныя черты и той и другой.[2])

Надо-ли говорить, что столь глухой и малоизслѣдованный край, какимъ является южный Алтай, представляетъ богатое поле не для однихъ только наблюденій историческаго характера? Еще въ большей степени здѣсь найдется цѣннаго матеріала для географа и этнографа. Поработать есть надъ чѣмъ. Нижеслѣдующія страницы, впрочемъ, далеки отъ мысли всесторонне исчерпать вопросъ. Настоящая статья имѣетъ въ виду отмѣтить лишь въ главныхъ чертахъ общія условія заселенія названной мѣстности, дать понятіе о самомъ краѣ и указать, какое значеніе въ недалекомъ прошломъ имѣли всѣ эти земли въ глазахъ крестьянскаго и заводскаго населенія на Алтаѣ. Предварительную подготовку дали мнѣ, помимо печатной литературы, текущія „дѣла" и архивный матеріалъ, извлеченный изъ Канцелярій Степного Генералъ-Губернатора и Войскового Казачьяго Правленія Сибирскаго войска—въ Омскѣ; мѣстныхъ правленій: областного въ Семипалатинскѣ и уѣзднаго въ Усть-Каменогорскѣ. Эти данныя, ознакомивъ съ положеніемъ дѣла, какъ оно стояло недавно и даже

---

[1]) Съ 1883 года.

[2]) Казачьихъ поселеній въ Бухтарминской долинѣ и условій быта тамошняго населенія настоящая статья не касается; авторъ разсчитываетъ посвятить этому вопросу особую статью.

еще вчера, служили полезнымъ введеніемъ къ послѣдующимъ личнымъ опросамъ населенія и непосредственному наблюденію его на мѣстѣ.

Край далекій, въ полномъ смыслѣ окраинный; но культура XIX столѣт. уже въ значительной степени придвинула его къ намъ. До Омска по желѣзной дорогѣ, до Семипалатинска—пароходомъ, вы ѣдете далѣе почтовымъ трактомъ на лошадяхъ, чорезъ г. Усть-Каменогорскъ и въ двое сутокъ проѣзжаете, сравнительно съ удобствомъ, 470 верстъ, отдѣляющихъ областной городъ отъ станицы Алтайской. Зато съ этого послѣдняго пункта вы сразу очутитесь на рубежѣ культурныхъ и первобытныхъ условій. Почта, экипажи, станціи—все это осталось теперь позади, впереди же—новыя условія жизни, совсѣмъ новая, непривычная обстановка[1]). Высокой стѣною, въ видѣ грозной твердыни загородилъ дорогу Южный Алтайскій хребетъ. Его бороздятъ по скалистымъ склонамъ едва лишь замѣтныя верховыя тропинки. По нимъ, по этимъ тропинкамъ, намъ предстоитъ перебраться на ту сторону могучаго барьера и, слѣдуя прихотливымъ извилинамъ горныхъ отроговъ, углубиться въ долину, гдѣ нашелъ себѣ желанный пріютъ русскій колонизаторъ, этотъ типичный носитель русской культуры среди полудикихъ инородцевъ далекой Азіи.

II.

Особенности русской колонизаціи[2]). Два типа колонизаціи правительственной и народной.

Въ Западно-европейской литературѣ до сихъ поръ еще въ сильномъ ходу мнѣніе о завоевательныхъ инстинктахъ русскаго государства, о ненасытной жаждѣ русскаго правительства къ расширенію своихъ предѣловъ. Подчеркиваютъ войны, которыя мы вели, указываютъ на то, что ни одно, кажется, царствованіе не прошло

[1]) Свою поѣздку, совершенную въ подобныхъ условіяхъ въ томъ же 1896 г. изъ Бухтарминской долины въ долину р. Чуи, по мѣстности малонаселенной, а гдѣ и совсѣмъ безлюдной, я уже изложилъ въ статьѣ: „Описаніе пути между Алтайскою станицею и Кошъ-Агачемъ въ Южномъ Алтаѣ“, напечатанной въ *Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, кн. XXIII.

[2]) **Печатая статью уважаемаго профессора и высоко цѣня ея достоинства, Распорядительный Комитетъ, однако, не можитъ согласиться съ основными положеніями автора, изложенными въ настоящей главѣ.**

безъ военныхъ походовъ, безъ инкорпорированія той или другой области, безъ увеличенія нашей арміи и т. п. Это мнѣніе раздѣляется довольно многими и у насъ. Едва-ли однако стоитъ оспаривать его сколько нибудь серьезно; и если я остановился на немъ въ данную минуту, то единственно съ цѣлью напомнить о фактахъ, идущихъ совершенно въ разрѣзъ съ только-что высказанною мыслью.

У насъ никогда не было ни Александровъ-Македонскихъ, ни Юліевъ Цезарей, ни Карловъ Великихъ, ни Наполеоновъ. Въ такъ называемомъ Балтійскомъ вопросѣ роль территоріи отступала на задній планъ: все сводилось къ тому, чтобы пробить дверь въ загородившей насъ стѣнѣ; вопросъ польскій—въ сущности племенной и религіозный; въ вопросѣ черноморскомъ мы установляли естественныя границы, домогаясь лишь того, что̀ по самой природѣ своей принадлежало и тяготѣло къ русской землѣ. Особенно же наглядно отсутствіе завоевательнаго характера въ движеніи русскаго племени на Востокъ. Мы даже не упомнимъ, когда собственно начали двигаться туда. Исторія уже застаетъ насъ на верховьяхъ Волги, въ землѣ финскихъ племенъ; съ трудомъ разбирается въ новгородской колонизаціи, охватившей весь сѣверъ нынѣшней Россіи. Колонизація Суздальскаго края—есть тоже результатъ движенія цѣлыхъ народныхъ массъ. Двигаясь на сѣверовостокъ, мы двигаемся и на юговостокъ: вспомнимъ Тмутаракань, русскихъ жителей города Шаруканя въ глубинѣ Половецкихъ степей, подневольныхъ колонистовъ въ эпоху монгольскаго ига, обусловившихъ образованіе самостоятельной епархіи Сарской и Подонской; а вслѣдъ за ними и колонистовъ вольныхъ—казаковъ. Освобожденіе отъ татаръ ведетъ къ завоеванію Казани, Астрахани, къ утвержденію на берегахъ Терека; въ томъ же XVI ст. мы становимся твердой ногою въ центрѣ Уральской Башкиріи, Ермакъ Тимофеевичъ со своею молодецкой дружиною переходитъ черезъ Каменный Поясъ, рушитъ Сибирское царство и открываетъ дорогу тѣмъ удальцамъ—землепроходамъ, что̀ подобно лавинѣ катятся черезъ всю Сибирь вплоть до Великаго океана. А потомъ Киргизское Зауралье, Алтай, Средняя Азія..... Въ настоящую минуту мы стоимъ у воротъ Кореи, на побережьѣ Портъ-Артура, дошли до Памира, и кто можетъ сказать, что это послѣдняя наша стоянка?

Было бы ошибочно объяснять такой колоссальный размахъ одними завоевательными инстинктами, единичною волею честолюбивыхъ людей. Здѣсь дѣйствовала болѣе могучая, стихійная сила, обусловленная сколько равнинностью русской территоріи, отсутствіемъ

естественныхъ границъ и необходимостью имѣть ихъ, столько-же и низкой культурой сосѣднихъ племенъ. При отсутствіи естественныхъ границъ движеніе неизбѣжно само по себѣ; съ культурнымъ сосѣдомъ еще можно сговориться, да и онъ не такъ легко допуститъ къ себѣ,—съ инородцемъ-азіатомъ приходилось дѣйствовать прежде всего грубою силой и сперва подчинять его себѣ, а потомъ уже упорядочивать взаимныя отнешенія.

Рѣдкость населенія, разбросаннаго на обширной территоріи, ничтожность экономическихъ средствъ страны, невысокая культура вообще—все это на долгое время обусловило слабость правительственнаго элемента. Остановить разбродъ народныхъ силъ русское правительство было далеко не всегда въ состояніи, вслѣдствіе чего, при опредѣленіи государственной границы[1]), зачастую, если не почти всегда, ему приходилось дѣйствовать въ сущности *post factum* и только констатировать то, что данная область или полоса уже вошли въ кругъ интересовъ русской жизни, стали необходимою ея принадлежностью. Другими словами, на долю правительства приходилось чаще давать юридическую санкцію тому, что фактически давно уже стало неоспоримымъ. Такимъ образомъ, расширеніемъ государственной территоріи мы обязаны дѣйствію двухъ силъ: народной и правительственной; каждая взаимно дополняла одна другую, и, смотря по обстоятельствамъ, то народная шла впереди правительственной, то наоборотъ, колонизація правительственная обусловливала народную. Обыкновенно онѣ шли не рука объ руку, а чередуясь одна съ другою: раскольники, бѣглецы, крѣпостные люди, преступники разнаго рода бѣжали на окраину, ища себѣ тамъ болѣе привольной жизни, убѣгая отъ непосильной тяготы, давившей ихъ дома,—и правительство, если хотѣло поддержать свой престижъ въ глазахъ оставшихся, не допустить ихъ послѣдовать примѣру собратьевъ, не лишать себя рабочихъ рукъ,—волей-неволей тянулось за ними на ту-же окраину. Съ другой стороны, не все же это были «преступники» въ буквальномъ значеніи этого слова; порвать совершенно связь свою со старымъ «домомъ» они не могли, да и не желали. Проходили годы, старая «вина» сглаживалась, если не забывалась совсѣмъ; въ глазахъ правительства такой выходецъ и окраинный житель былъ все же прежде всего *его* человѣкъ и если иной разъ онъ вызывалъ непріятныя и нежелательныя столкновенія съ зарубежными сосѣдями, то онъ же первый выносилъ на своихъ плечахъ удары этого сосѣда, защищая своею грудью тѣхъ, кто стоялъ позади его. Мало-ли было

[1]) Въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду собственно Востокъ.

удалыхъ головъ, которыя въ качествѣ промышленниковъ, звѣролововъ или мѣновщиковъ проникали въ глухія дебри, заводили связи съ туземцемъ и клали первый камень культурнымъ сношеніямъ съ этимъ послѣднимъ! . . . По образному выраженію Ядринцева, «промышленными избушками было усѣяно въ прошломъ столѣтіи (въ Сибири) все пространство отъ Ишима до Алея»[1]). У такихъ людей мирныя сношенія съ инородцами неизбѣжно чередовались съ враждебными, и могла-ли русская власть совершенно безучастно отстранить себя отъ нихъ? Однимъ словомъ, «правительство» шло на окраину, намѣченную самовольнымъ поселенцемъ, не всегда лишь съ цѣлью кары, наказанія, но и съ цѣлью поддержки, урегулированія этой силы въ борьбѣ съ иноземцемъ. А стоило лишь приступить къ этому, и государственная граница неизбѣжно отодвигалась далѣе на югъ, народная волна переселенія оказывалась внутри государственной периферіи, ей снова становилось тѣсно, она снова искала себѣ выхода, и процессъ дальнѣйшаго движенія возобновлялся какъ бы съ начала, съ единственнымъ лишь различіемъ: каждый разъ все дальше и дальше отъ первоначальнаго центра.

Такимъ образомъ, взаимодѣйствіемъ двухъ силъ, народной и правительственной, регулировалась вся колонизація нашихъ окраинъ; ихъ равнодѣйствующая уясняетъ основной смыслъ и характеръ, можно сказать, всего нашего поступательнаго движенія на Востокъ. Государственная граница раздвигалась, потому что передовые отряды русскаго народа пробивали въ ней брешь; она раздвигалась, потому что прежде всего собственные же интересы этихъ передовыхъ отрядовъ требовали вооруженной защиты и поддержки; она, наконецъ, раздвигалась, потому что полной оторванности между центромъ и периферіей не могло никогда быть, и моменты преобладанія силы центробѣжной послѣдовательно смѣнялись моментами, когда сила центростремительная снова получала преобладаніе и перевѣсъ.

Факты прошлаго, смѣю думать, достаточно подтвердятъ это положеніе.

Если, съ одной стороны, мы перевалили чрезъ Уральскій хребетъ въ степи сибирскія подъ давленіемъ, главнымъ образомъ, народной силы, олицетвореніемъ которой служили промышленные люди Пермскаго края, именитые люди Строгоновы и ихъ сподручникъ, знаменитый Ермакъ Тимоѳеевичъ, съ своими молодцами,—то уже за-

[1]) *Ядринцевъ.* Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ. *Записки Зап.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. II, 108.*

селеніе Тобольской, Томской и др. губерній, съ цѣлью охраны новыхъ областей,—заселеніе, достигнутое устройствомъ острожковъ и линій казачьихъ укрѣпленій,—это заселеніе было дѣломъ собственно правительственнымъ, уже по одному тому, что совершалось чаще всего вопреки желанію тѣхъ, кого сажали на указанныя мѣста.

Въ 1714 г. была снаряжена экспедиція генерала Лихарева. Она поднялась по р. Иртышу за озеро Зайсанъ, прорѣзала среднеазіатскую степь съ С. на Ю., вплоть до нынѣшней Монголіи, и положила начало нашему знакомству съ При-иртышскимъ краемъ и движенію въ этомъ направленіи. Въ 1715 г. основывается городъ Омскъ, въ 1718—Семипалатинскъ, въ 1720—Усть-Каменогорскъ. Въ то же время мы внѣдряемся съ сѣвера съ предгорья Алтая; по его долинамъ проникаемъ далѣе на югъ, отыскивая въ горныхъ нѣдрахъ сокрытыя минеральныя богатства. Основаніе алтайскихъ заводовъ и рудниковъ влечетъ за собою приписку цѣлыхъ десятковъ тысячъ людей, какъ обязательной рабочей силы, а паденіе Джюнгарскаго царства (въ концѣ 50-хъ годовъ) вызываетъ необходимость обезпечить наши южныя границы вооруженной рукою, что тоже не могло состояться безъ вынужденнаго заселенія соотвѣтственныхъ пунктовъ, Кузнецкъ—Усть-Каменогорскъ, два крупныхъ пункта, соединяются цѣлою линіею форпостовъ, редутовъ и острожковъ. Тогда же (1760) имѣлось въ виду провести и другую линію, отъ Усть-Каменогорска по Иртышу до устья р. Бухтармы, а отсюда, какъ отъ новаго опорнаго пункта, выдвинуть рядъ укрѣпленій по направленію къ Телецкому озеру. Хотя на устьѣ Бухтармы уже въ слѣдующемъ году (1761) была заложена крѣпость (Бухтарминская), изслѣдовано, или по крайней мѣрѣ пройдено все теченіе самой р. Бухтармы,—но пока дѣло этимъ и ограничилось.

Но если правительство до поры до времени отступало передъ затрудненіями, которыя ставила ему природа этого глухого края, то народная волна направилась какъ разъ въ эту сторону, охотно предупреждая здѣсь появленіе элемента правительственнаго; иниціативу заселенія этой глухой окраины колонизація народная всецѣло беретъ въ свои руки. Въ эти пограничныя области, въ верховья Катуни, въ долину р. Бухтармы устремляются и бѣгутъ всѣ тѣ, кому почему либо тяжела казалась жизнь въ правительственной Сибири. Мотивы, во многомъ однородные съ тѣми, что заставляли русскаго человѣка уходить въ Европейской Россіи отъ центра къ периферіи,—побуждаютъ многихъ и здѣсь заводить въ глухихъ дебряхъ пограничныхъ областей свое жилье и хозяйство.

Приливъ русскаго населенія въ Южный Алтай, въ небольшихъ размѣрахъ, имѣетъ много общаго, если не по формѣ, то по существу, съ движеніемъ русскаго люда, въ старое время, изъ Московскаго центра на средній и нижній Донъ. Будетъ-ли это раскольникъ или преступникъ, укрывающійся отъ карающей власти; подневольный-ли фабричный, невынесшій тяжелыхъ условій жизни на горныхъ Алтайскихъ заводахъ и въ рудникахъ; будетъ-ли это отважный промышленникъ - звѣроловъ, храбро ставившій свою избушку совсѣмъ въ безлюдномъ мѣстѣ, или, наконецъ, просто тотъ сорви-голова, которому вездѣ тѣсно и неуютно,—всѣмъ имъ найдется мѣсто въ глухомъ Бухтарминскомъ краю. Уже въ 1761 г. развѣдочная партія наткнулась на р. Тургусунѣ на избушку, построенную въ одной ущелинѣ. Тамъ *жило двое русскихъ, но поймать ихъ* не удалось[1]). Ядринцевъ приводитъ другое свидѣтельство, что въ томъ же году въ верховьяхъ Бухтармы было будто-бы открыто 17 деревень, населенныхъ бѣглыми[2]). Условія топографическія: высокія горы, ущеле-образныя долины помѣшали всему этому люду сплотиться въ одну большую и тѣсную казацкую общину, какъ это было на Дону; но зато особенно закалили характеръ, выработали энергію, силу воли, ту сметку и готовность идти впередъ безъ страха и сомнѣній, что́ составляетъ отличительную и рѣзко бросающуюся въ глаза черту здѣшняго населенія.

III.

Побѣгъ Селезнева съ товарищами на р. Бухтарму.

Вотъ для примѣра одинъ эпизодъ, прекрасно иллюстрирующій ту обстановку, въ какой приходилось жить порубежному человѣку, и наглядно поясняющій, что за типы должны были вырабатываться среди такихъ условій[3]). Содержался въ острогѣ въ г. Кузнецкѣ[4]) нѣкій Аѳанасій Селезневъ. Много разныхъ винъ числилось на немъ: и побѣги, и кража; но не даромъ-же это былъ человѣкъ, о подвигахъ котораго сложились цѣлыя легенды; не даромъ впослѣдствіи па-

---

[1]) *Принтцъ*, Каменьщики. *Записки И. Р. Г. Общества*, I, 1867, стр. 551.

[2]) *Ядринцевъ*. Поѣздка по Западн. Сибири и въ горный Алтайск. округъ: *Записки Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ.*, кн. II, 108—109.

[3]) Матеріалы для исторіи Сибири. *Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.* 1867, I, стр. 219—225.

[4]) Событіе относится къ половинѣ прошлаго столѣтія.

мять о немъ сохринилась въ названіяхъ топографическихъ (рѣка Селезневка, притокъ р. Бухтармы); не даромъ каждую зиму отдавался онъ полиціи, а чуть весна, говорилъ: «пора селезню крылышки расправить» и снова бѣжалъ изъ тюрьмы[1]); не даромъ, наконецъ, фантазія народная превратила его въ селезня, котораго трудно было убить.[2]) Селезневъ сбѣжалъ и на этотъ разъ, да не одинъ, а съ братомъ Терентіемъ и еще съ другимъ товарищемъ по заключенію, Кирилой Сизиковымъ. Побѣжали они всѣ трое въ Касмалинскую степь, да отсталъ отъ нихъ Аѳанасій, по дорогѣ зашелъ въ одной слободѣ въ знакомый домъ, тамъ его во время обѣда и накрыли. Минутная свобода снова смѣнилась тюрьмою. А въ тюрьмѣ, между тѣмъ, уже сидѣли отецъ и 9-ти лѣтній сынъ Аѳанасія, въ силу-ли общественной отвѣтственности, по подозрѣнію-ли въ содѣйствіи Аѳанасію къ побѣгу, за самостоятельный-ли проступокъ—памятники не объясняютъ. Какъ ни странно допустить первое объясненіе, но оно напрашивается само собою: необычно какъ-то видѣть малолѣтняго ребенка въ роли сознательнаго преступника. Или, можетъ быть, вся семья Селезневыхъ была воспитана на преступленіяхъ?... Представители трехъ поколѣній, дѣдъ, отецъ и внукъ, высидѣли подъ стражею цѣлыхъ два года, пока не удалось имъ совершить побѣга, на этотъ разъ тоже въ сообществѣ двухъ заключенныхъ, П. Лиханова и Т. Чернавина. Въ Касмалинскомъ бору Аѳанасій Селезневъ нашелъ пріютъ у товарищей перваго своего бѣгства: брата Терентія и К. Сизикова. Очевидно, послѣдніе все это время жили на свободѣ, но на положеніи нелегальныхъ, чему едва-ли особенно слѣдуетъ удивляться, потому что, въ сущности, въ ту пору разница между легальнымъ и нелегальнымъ на практикѣ была значительно болѣе сглажена, чѣмъ въ наше время. Скоро видимъ мы, что въ тотъ-же Касмалинскій боръ уходятъ и легальные родственники бѣглецовъ: Ѳедоръ Селезневъ, третій изъ братьевъ. Что его побудило къ уходу—прямыхъ указаній на это не имѣется, о мотивахъ можно только догадываться. Чувствовалъ-ли Ѳедоръ свое положеніе шаткимъ въ виду преступленій, тяготѣвшихъ надъ его отцемъ и обоими братьями, опасался ли и онъ самъ потерять свободу—какъ-бы то ни было, но, пови-

---

[1]) *Потанинъ.* Юго-Западная часть Томской губ. въ этнографическомъ отношеніи. *Этнографич. Сборникъ.* VI, 151—152.

[2]) *Ядринцевъ.* Поѣздка по Зап. Сибири и въ горный Алтайскій округъ. *Записки З.-Сиб. Отд.* II, стр. 108, прим. I. Хотя Ядринцевъ эту легенду и не пріурочиваетъ прямо къ Аѳанасію, но едва-ли кого другого можно имѣть въ виду. Ср. тамъ-же слѣдующее примѣчаніе и соотвѣтствующій ему текстъ.

давшись со своими, онъ вернулся въ деревню за женой, послѣ чего всѣ рѣшились бѣжать на Бухтарму, Аѳанасію Селезневу уже знакомую, такъ какъ онъ бывалъ тамъ раньше, охотясь за разнымъ звѣремъ. Тогда и Сизиковъ съѣздилъ къ себѣ, сманилъ своего отца, и вотъ 9 искателей „лучшаго“ (старикъ Селезневъ вскорѣ послѣ побѣга скончался): семь мужчинъ, одна женщина и одинъ мальчикъ двинулись въ далекій путь. Чтобъ обезпечить себѣ дорогу, предварительно наворовали они по сосѣднимъ деревнямъ 16 лошадей (17-я была своя), возъ муки пшеничной, 3 телѣги ржаной, да захватили кой-что и своего изъ домашности: кадушку масла, кожъ разныхъ, два топора, кирку и т. п. На бѣду, пересѣкая большую столбовую дорогу межъ Убинскимъ форпостомъ и Красноярскимъ станомъ, наткнулись они на военную команду и едва спаслись, побросавъ телѣги съ кладью; угнать удалось съ собою лишь однѣхъ лошадей. Хорошо, что еще топоры были за поясами, да еще нѣсколько вьюковъ съ мукой привязано у сѣделъ. На р. Бухтарьмѣ пришельцы сколотили избушку, кругомъ обвалили ее толстыми деревьями, врубили въ эти деревья столбики и обнесли заплотомъ, а подлѣ поставили общую клѣть. Впрочемъ, Аѳанасій Селезневъ, коноводъ всей партіи, для своей поклажи поставилъ особую избу, въ разстояніи полуверсты отъ первой. По одному свидѣтельству эта изба представляла собою настоящій укрѣпленный „блокгаузъ“[1]).

Съ самаго прихода для бѣглецовъ настали тяжелые дни. Въ первую-же ночь урянхайцы угнали у нихъ всѣхъ лошадей. Погоня пѣшкомъ не могла дать никакихъ результатовъ, и единственное, чего достигли селезневцы,—это убійство встрѣчнаго 15-ти лѣтняго урянхайца, ни въ чемъ неповиннаго, но на которомъ они выместили свою злобу. Черезъ недѣлю пристали къ нимъ 7 калмыковъ, трое мужчинъ, три женщины, да парнишка лѣтъ 18; трое изъ нихъ оказались ранеными, а раны, по ихъ словамъ, нанесли имъ урянхайцы. Компанія оставила калмыковъ жить у себя; но когда часть товарищей уходила на промыселъ за звѣремъ или рыбой, гости начинали силой отнимать у оставшихся хлѣбъ, шарились въ ихъ посудѣ. Послѣдовала расправа,—и расправа короткая. Калмыковъ безжалостно умертвили, кромѣ мальчика, котораго Аѳанасій Селезневъ взялъ къ себѣ. Между тѣмъ конокрады урянхайцы не оставляли нашихъ піонеровъ въ покоѣ. Однажды они напали на нихъ и въ завязавшейся перестрѣлкѣ Аѳанасій съ Терентіемъ были ранены. Рѣшено было мстить. Уже въ зимнюю пору на лыжахъ, отъѣхавъ отъ своего

[1]) *Ядринцевъ.* Поѣздка по Зап. Сибири и въ горн. Алт. окр., 118.

становища верстъ около сотни, они напали ночью на урянхайцевъ и всѣхъ поголовно перебили. Жертвами пали 7 взрослыхъ, да ребятъ сколько-то,—отвѣтчикъ впослѣдствіи на допросѣ показалъ, что «сколько именно за ночнымъ временемъ не разсмотрѣлъ и не знаетъ».

Читая всѣ эти похожденія, невольно задаешься вопросомъ, да кто же стоялъ ниже по своей духовной культурѣ,—мѣстный-ли дикарь урянхаецъ, калмыкъ, или „представитель европейской, христіанской цивилизаціи", русскій колонистъ-переселенецъ? Но наше сомнѣніе сейчасъ же разсѣется дальнѣйшимъ эпизодомъ изъ жизни названной компаніи, всецѣло убѣждающимъ, что культурная сила была все же на сторонѣ русскаго человѣка и что она-то и дала ему перевѣсъ въ борьбѣ надъ туземцемъ. Однажды мимо селезневцевъ проходила партія киргизъ-кайсаковъ въ числѣ 500 человѣкъ, по направленію къ сѣверу, въ Алтайскія горы, съ цѣлю грабежа и разбоя. Часть товарищей была въ это время на рыбной ловлѣ; увидавъ опасность, они побѣжали домой и во время укрылись. Въ руки киргизамъ попался одинъ лишь калмыченокъ. Очевидно, бѣднягѣ на роду было написано мѣнять одну подневольную жизнь на другую такую-же. Селезневцы заперлись въ своемъ огороженномъ домѣ, и этого было достаточно, чтобы ихъ болѣе не тронули. Мѣсяцъ спустя, возвращаясь назадъ съ плѣнными калмыками и множествомъ угнаннаго скота, киргизы снова остановились у селезневскаго становища, угнали у нихъ лошадей одиннадцать головъ, но этимъ и ограничились. Казалось-бы, чего стоило такой громадной толпѣ въ нѣсколько сотъ человѣкъ перебить ничтожную горсть русскихъ людей и захватить все ихъ добро; между тѣмъ они признали въ нихъ силу, себѣ равную, и вступили съ ними въ самый добросовѣстный и обоюдовыгодный торгъ: киргизы вымѣняли у русскихъ выдру, зипуны, топоры и ножи, отдавъ съ своей стороны 4 коровы и двухъ быковъ. Кто въ чемъ нуждался!

Послѣдній угонъ лошадей былъ для нашихъ скваттеровъ фатальнымъ. Въ лошадяхъ они нуждались. Нужда и труса дѣлаетъ храбрымъ, а наши молодцы трусами, конечно, не были. Отправились они къ Усть-Каменогорску, вблизи одной деревни высмотрѣли 6 лошадей, захватили ихъ, стали ужъ было черезъ рѣку переправляться,—удайся имъ переплыть на ту сторону, можетъ быть, долго-бы еще гуляли на свободѣ Аѳанасій съ товарищами,—но тутъ изловили ихъ казаки, и, вмѣсто Бухтармы, селезневская компанія снова очутилась за желѣзной рѣшеткой.

Разсказанный эпизодъ есть лишь отрывокъ изъ слѣдственнаго

дѣла; полной біографіи Селезнева и его товарищей онъ не даетъ, но будь таковая написана, она, если судить по сохранившимся даннымъ, нарисовала бы человѣка съ недюжиннымъ умомъ и желѣзной энергіей, человѣка, который въ иныхъ соціальныхъ условіяхъ, несомнѣнно, былъ бы выдающеюся положительной силою, и вся вина котораго теперь сводилась къ тому, что онъ именно къ этимъ соціальнымъ условіямъ не подходилъ. Любопытная черта, любопытная и для того времени, и для того глухаго уголка, какимъ былъ край Алтайскій, любопытная, наконецъ, и для человѣка въ положеніи Аѳанасія Селезнева: на Бухтармѣ, послѣ поимки его, въ числѣ разныхъ вещей нашли два экземпляра часослова: по одному изъ нихъ онъ училъ своего сына Максима, когда оба они, отецъ и сынъ, сидѣли въ Кузнецкой тюрьмѣ! Можно съ увѣренностью сказать, что въ тюрьмѣ ребенокъ пользовался указаніями отца чаще, чѣмъ здѣсь, на Бухтармѣ, на свободѣ. Тюрьма и острогъ оказывались разсадникомъ просвѣщенія!....

IV.

Каменьщики. Бѣловодье.

Поселенцы Бухтарминскаго края издавна получили характерное названіе *каменьщиковъ*, такъ какъ жили въ «каменныхъ» горахъ, прятались „*за камнемъ*“, сидѣли „*въ камнѣ*“, какъ тогда выражались. „Камнемъ“ и до сихъ поръ, говоритъ Принтцъ (писано въ 1863 г.), называютъ на Алтаѣ горныя урочища[1]). Примѣрно лѣтъ 135 тому назадъ 4 человѣка, убѣгая отъ религіознаго преслѣдованія, поселились на р. Ульбѣ, но когда одинъ изъ нихъ былъ пойманъ, то остальные ушли въ дикія ущелья Бухтарминскія. Сношеній съ поселеніями раскольничьими они однако не прервали. Многіе послѣдовали ихъ примѣру, и скоро тамъ, въ неприступныхъ, окруженныхъ высокими горами мѣстностяхъ, собралось порядочное число новыхъ жителей, преимущественно крестьянъ; были построены хижины по берегамъ рѣкъ: Бухтармы, Бѣлой, Язовой и др.; колонисты занялись скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ. Они жили мирно, соблюдая строго старообрядческія правила, и жили въ достаткѣ. Правительство, хотя и принимало мѣры противъ этихъ бѣглицовъ, но неприступность страны хорошо ограждала послѣднихъ. Распростра-

1) *Принтцъ*. Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губ. и поѣздка въ ихъ селенія и въ Бухтарминскій край. *Записки И. Р. Геогр. Общ.* т. I, 1867 г. стр. 547.

нившіеся слухи о ихъ жизни и свободѣ привлекали къ нимъ пришельцевъ; это были, большею частію, бѣглые солдаты, заводскіе служители, наказанные и ненаказанные преступники и т. п. люди[1])". Здѣсь, среди дикой природы, лицомъ къ лицу передъ единымъ Богомъ и совѣстью, хранили они свою свободу и религіозныя вѣрованія. Тучная, еще дѣвственная почва въ избыткѣ вознаграждала трудъ земледѣльца; обиліе звѣря, еще не напуганнаго человѣкомъ, составляло также прибыльную статью дохода, а зеленые склоны горъ способствовали разведенію скота въ огромныхъ размѣрахъ. Не разъ отправляли за бѣглецами военныя команды, но ущелья хорошо охраняли каменьщиковъ[2]). Прошли десятки лѣтъ, прежде чѣмъ правительство оказалось въ силахъ, хотя-бы внѣшнимъ, формальнымъ образомъ, подчинить ихъ себѣ. Не раньше 1792 г. каменьщики вышли изъ своей изолированности, получили „прощеніе" Императрицы Екатерины и въ свою очередь подчинились общимъ закономъ Имперіи. По сдѣланной тогда переписи, на основаніи собственныхъ ихъ показаній, всѣхъ каменьщиковъ было 250 чел. мужескаго пола и 68 чел. женскаго пола, всего 318 чел. Разумѣется, число это значительно ниже дѣйствительнаго: кто еще остерегался идти въ запись, кого не было въ данную минуту на лицо. Въ это время у нихъ насчитывалось уже около 30 поселковъ по р.р. Бобровкѣ, Проѣздной, Язовой, Тихой, Середчихѣ, Осочихѣ, Берели, Тургусуни и Катуни; населеніе составляли крестьяне, солдаты, драгуны и мастеровые заводскаго вѣдомства, нѣсколько дворовыхъ людей, выходцевъ изъ раскольничьихъ пустынь и скитовъ россійскихъ губерній. Было только 4 ссыльно-каторжныхъ изъ заводскихъ мастеровыхъ[3]).

Оставивъ скалы и ущелья, каменьщики спустились въ долину, гдѣ было гораздо больше удобства для правильнаго землепашества, скотоводства и пчеловодства. Основанныя здѣсь поселенія были Осочиха, Быкова, Сѣнная, Корабишенская и Верхъ-Бухтарминская; а въ прочихъ мѣстахъ главнѣйшія: Мало-Нарымская, Язовая, Бѣлая и Фыкальская.[4]) „Сначала они платили подать въ казну, по примѣру ясачныхъ народовъ, звѣрями, а потому и были названы ясач-

[1]) *Томскія Губернскія Вѣдомости* 1858, №№ 23, 24. Заимствовано изъ статьи Ядринцева „Раскольничьи общины по границѣ Китая". *Сибирскій Сборникъ* 1886 г. кн. I, стр. 38—39.

[2]) *Томск. Губернск. Вѣд.* Ср. *Ядринцевъ, Сибирскій Сборникъ,* стр. 39.

[3]) *Томскія Губер. Вѣдом.* См. *Ядринцевъ, Сибирск. Сборникъ,* стр. 40.

[4]) *Принтцъ.* Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Том. губ. и поѣздка въ ихъ селенія и въ Бухтарминскій край въ 1863 г. *Зап. И. Р. Географ. Общ.,* т. I, 558. Ср. *Ядринцевъ. Сибир. Сборникъ,* 41.

нымп"[1]). Прозвище *ясачныхъ инородцевъ* держалось за ними очень долго. Ясачная подать замѣнена была впослѣдствіи десятиною[2]), а съ 1878 г. каменьщиковъ зачислили въ общій крестьянскій окладъ и образовали волость на общемъ положеніи[3]).

Состоявшееся въ 1792 г. соглашеніе, разумѣется, было не въ силахъ ослабить притокъ въ Бухтарминскую долину новыхъ пришельцевъ; скорѣе даже наоборотъ, новыя поселенія своимъ легализованнымъ положеніемъ создавали лишнюю точку опоры въ поступательномъ движеніи народнаго колонизатора, выдвигали впередъ какъ бы новый рядъ форпостовъ, отъ которыхъ еще удобнѣе было забираться дальше въ глухіе, до сихъ поръ еще не тронутые углы. Элементовъ же, желавшихъ укрыться и жить на свободѣ, было не занимать стать. Какой-нибудь бѣглый драгунъ ставитъ избу на китайской территоріи и кладетъ основаніе будущему поселенію; какой нибудь раскольникъ тамъ-же основываетъ нѣчто въ родѣ скита, и этотъ скитъ становится ядромъ новаго поселка. Подъ вліяніемъ постояннаго скитанія вырабатывается даже привычка бродить, искать новыхъ земель, „гдѣ лучше" живется, гдѣ нѣтъ давленія извнѣ. Эта привычка мало по-малу воспитала и укрѣпила въ пограничномъ населеніи убѣжденіе въ дѣйствительномъ существованіи такихъ мѣстъ. На этомъ убѣжденіи складывается легенда о пресловутомъ *Бѣловодьѣ*. Черезъ все XIX столѣтіе проходитъ неустанное исканіе этого фантастическаго Эльдорадо, гдѣ рѣки текутъ медомъ, гдѣ не собираютъ податей, гдѣ, наконецъ, спеціально для раскольниковъ, не существуетъ Никоновской церкви. Бѣловодье—географическій пунктъ, не отличающійся ни опредѣленностью, ни устойчивостью. Оно вообще тамъ, гдѣ хорошо живется, причемъ мѣрка этого „хорошаго", разумѣется, крайне субъективна. Но вообще его надо искать возможно дальше—въ наше время даже не на русско-китайской границѣ, а совсѣмъ за предѣлами русской территоріи..... Раньше, до половины XVIII столѣтія, Бѣловодьемъ назывались предгорья Сѣвернаго Алтая; съ проведеніемъ Колыванской и Кузнецкой линіи это имя перешло на громадную полосу никѣмъ не занятой земли къ югу отъ названной линіи до китайскихъ предѣловъ[4]). Бѣловодьемъ стали приволья Бухтарминскаго края, а теперь въ наше время представленіе народное относитъ еще дальше. Гдѣ она, эта со-

[1]) Томск. Губ. Вѣд. *Ядринцевъ. Сибирск. Сборникъ*, 38.

[2]) *Томск. Губерн. Вѣдом.* Ср. *Ядринцевъ. Сибирск. Сборникъ*, 38.

[3]) *Ядринцевъ, Сибир. Сборникъ*, 46.

[4]) *Принтцъ*, Каменьщики. *Зап. И. Р. Геогр. Общ.*, I, 546.

кровенная земля,—точно, разумѣется, никто никогда опредѣлить не могъ. Основывались на слухахъ, на фантастическихъ соображеніяхъ, на кривотолкахъ. То это бѣловодье на верховьяхъ Енисея или на озерѣ Оленгурѣ, то на какой-то рѣкѣ Каршѣ, въ странѣ Турпанской, то гдѣ-то около Кобдо.... Чтобъ судить о степени подготовки, съ какою предпринималось выселеніе, достаточно сказать, что одна партія шла на рѣки Тигръ и Евфратъ, въ Япанское (т. е. въ Японское) царство, и разсказчикъ передававшій мнѣ объ этомъ событіи, долго не хотѣлъ вѣрить, когда я, съ картою въ рукахъ, объяснялъ, почему они не могли попасть одновременно и въ Месопотамію, и на берега Тихаго океана.

Я, впрочемъ, долженъ нѣсколько оговориться. Примѣняя къ Бѣловодью опредѣленіе „фантастическаго Элдорадо", я далекъ отъ мысли называть его прямо сказочной страною. Не все же въ этихъ представленіяхъ одна фантазія. Конечно, надѣляя намѣченную область идеальными качествами, русскій колонизаторъ, попадая въ нее, каждый разъ долженъ неизбѣжно убѣждаться, что и тутъ жизнь имѣетъ свою оборотную сторону, что и тутъ соціальныя отношенія зачастую выступаютъ во всей своей жесткости и неумолимой требовательности. Первоначальная мысль, что онъ нашелъ Бѣловодье, смѣнялась мыслью, что это Бѣловодье въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ наступило извѣстное разочарованіе, слабѣе,—если новыя условія жизни, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, всетаки оказывались существенно лучше старыхъ; сильнѣе — если разница межъ брошеннымъ гнѣздомъ и вновь заведеннымъ оказывалась ничтожною. Въ первомъ случаѣ человѣкъ легко примирялся съ мыслью, что Бѣловодье такъ-таки и не далось ему въ руки; во второмъ случаѣ—вновь поднимался съ мѣста при первомъ же случаѣ и шелъ на его поски. Какъ-бы ни было, но, значитъ, былъ-же моментъ, когда это Бѣловодье существовало для него, какъ фактъ дѣйствительно реальный, и конечно, тѣмъ долѣе оставалось оно таковымъ для тѣхъ, кто зналъ данную мѣстность только заочно, по слухамъ или разсказамъ постороннихъ. Раскольничьи поселенія покойный Пржевальскій видѣлъ въ глубинѣ Китая на озерѣ Лобъ-Норѣ, и едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что пришельцы стремились къ нему, именно какъ желанному Бѣловодью. Другое дѣло, такъ-ли взглянули они на него, обжившись. Точно также, въ наше время,—за мою поѣздку мнѣ не разъ приходилось это слышать, —бухтарминцы называли Бѣловодьемъ „Кемчугу", ту часть Монголіи, что лежитъ на югъ отъ Кану-Усинскаго пограничнаго ок-

руга, и гдѣ дѣйствительно существуютъ русскія поселенія. Такимъ образомъ, какъ видимъ, и на этотъ разъ „Бѣловодье“ не „фантазія“, а нѣчто реальное.

V.

Эпизоды изъ исканія Бѣловодья въ 1820 и 1830-хъ г.г.

Въ Семипалатинскомъ областномъ правленіи мнѣ удалось натолкнуться на рядъ чрезвычайно любопытныхъ дѣлъ о бѣжавшихъ на Бѣловодье въ 20-хъ г.г. нашего столѣтія. Хотя эти документы, подобно большинству оффиціальныхъ, и не вскрываютъ внутреннихъ мотивовъ побѣга, зато наглядно рисуютъ тѣ трудности, какія приходилось преодолѣвать бѣглецамъ; ихъ настойчивость и энергію въ преслѣдованіи своей цѣли; а также полное безсиліе китайцевъ оказать противодѣйствіе незванымъ пришельцамъ: открывъ бѣглецовъ, они, изъ опасенія энергичнаго отпора, не рѣшаются сами ловить ихъ и не находятъ иного исхода, какъ продоставить—на своей территоріи!—свободно распоряжаться русскимъ властямъ.

Впрочемъ, далеко не всегда удачно успѣвали противодѣйствовать бѣгству и эти русскія власти. Вотъ что читаемъ мы въ вышеупомянутыхъ „дѣлахъ“.

Глухой осенью 1826 г. съ китайскаго пограничнаго караула, на урочищѣ Чингистай, дано было знать русскому начальству, что на озерѣ Канасъ оказалась партія русскихъ бѣглецовъ въ 38 человѣкъ, видимо намѣревавшаяся тамъ основаться, такъ какъ стала обзаводиться жильемъ. Къ этому присоединялась просьба отправить для поимки этихъ бѣглецовъ русскій-же военный отрядъ. Мотивировалась такая странная просьба опасеніемъ, что бѣглецы будутъ, по всей вѣроятности, защищаться и, если-бы кто изъ китайцевъ оказался убитымъ, то возникнетъ переписка и излишнія хлопаты для обоихъ государствъ. Мѣсто, укрывшее партію, по описанію китайцевъ, со всѣхъ сторонъ окружено утесистыми горами, расположено посреди кочевьевъ урянхайскихъ калмыковъ и представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ пунктовъ для звѣринаго промысла. Дорога туда, вплоть до самаго озера, очень трудная; все время приходится ѣхать по каменистымъ ущельямъ, по щебенистымъ и утесистымъ горамъ; разстояніе же прямымъ путемъ, считая отъ Чингистая, 3-е сутокъ (впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ документъ говоритъ о 5-ти дняхъ верховой ѣзды), „лишь бы неоглубѣли на взъемахъ снѣга“.

Кто доставалъ этихъ „бѣловодцевъ“ съ Канаса, прямо не ска-

зано. Извѣстно лишь, что высшія китайскія власти отдали распоряженіе пограничному караулу поймать бѣжавшихъ; но надо думать, на Канасъ появились и представители русской власти, такъ какъ бѣглецовъ выманили оттуда Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 22-го августа 1826 г., завѣривъ, что онъ будетъ примѣненъ и къ нимъ. Надежда-ли на манифестъ, неподготовленность-ли къ отпору, но только сопротивленія со стороны бѣжавшихъ оказано не было никакого. Въ послѣднихъ числахъ декабря бѣглецовъ передали русскимъ властямъ, но въ количествѣ не 38, а 43 душъ. Это все были крестьяне, приписанные къ горнымъ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ, бѣжавшіе въ два пріема, на 5-е августа и на 1-е сентября 1826 года. Прибывъ на границу, половина пойманныхъ подкупила офицера—пріемщика и была отпущена по домамъ, къ родственникамъ; злоупотребленіе, однако, раскрылось, и лицъ, получившихъ неправильно льготу, велѣно было вернуть. Впрочемъ, мѣстный острогъ все равно оказался переполненъ, и бѣглецовъ пришлось размѣстить по частнымъ домамъ подъ присмотромъ полиціи.

Перепись захваченной партіи показала составъ ея, какъ мы уже видѣли, въ 43 человѣка (15 мужчинъ, 11 женщинъ и 17 дѣтей): 8 семей да трое одиночекъ. И кого тутъ только не было! Были полуторогодовалые, годовалые, одинъ даже мѣсячный ребенокъ[1]); была тутъ и старуха 60 лѣтъ, а безсемейному Льву Бердюгину изъ дер. Сѣнной—стукнуло 72 года. На всю партію приходилось 18 лошадей (не у каждой, однако, семьи), 6 ружей (5—у трехъ семей, 6-е у Бердюгина); 8 топоровъ (у 6 семей); нашлось нѣсколько сѣделъ, сумы кожаныя, разная одежда; у одной семьи—„весь кузнечный инструментъ“; у другой—2 капкана, 2 сѣти рыболовныя. Бобыль Березовскій, 37 лѣтъ, кромѣ носильнаго бѣлья, ничего не имѣлъ; зато у старика Бердюгина оказалось цѣлое имущество: 2 лошади, 1 винтовка, 3 рубашки, 4 капкана, 2 сумы, 1 котелокъ мѣдный, 2 сѣдла, 2 сѣти рыболовныя—настоящая обстановка звѣролова à la Майнъ-Ридъ.

Позволительно сомнѣваться, чтобы люди такого типа, какъ Бердюгинъ и безымянная мать, одинъ въ глубокой старости, другая

---

[1]) Въ день передачи бѣглецовъ отъ китайцевъ въ русскія руки (30 декабря) въ одной семьѣ родилась дѣвочка. Какой типъ женщины-богатыря должна была представлять собою ея мать, если послѣдніе дни передъ появленіемъ на свѣтъ ребенка она мало того, что жила въ самой суровой обстановкѣ, но еще должна была, въ глухую зиму, совершать путь верхомъ или пѣшкомъ по такимъ горамъ и ущельямъ, которыя и здоровому то мѣстами представлялись трудно проѣзжими и неудобными!....

въ послѣдніе дни беременности, сохранившіе такой избытокъ физическихъ силъ, такую бодрость духа, чтобы вести бродячею жизнь со всѣми ея неожиданностями и приключеніями,—говорю, позволительно сомнѣваться, чтобы такіе люди, хотя-бы и силой возвращенные на постылое мѣсто, долго оставались на немъ. Полицейскій присмотръ на дому, конечно, не могъ служить имъ серьезной помѣхой къ новымъ попыткамъ бѣжать и идти на поиски заповѣднаго Бѣловодья.

Они ли, или другой кто, но въ слѣдующій 1827 годъ, на озерѣ Канасѣ снова появляется партія русскихъ, хотя на этотъ разъ болѣе малочисленная, всего 11 человѣкъ. Очевидно, Канасъ обладалъ какой-то притягательной силою, чтобы заставить игнорировать препятствія, созданныя на пути къ нему и природой, и человѣкомъ. Впрочемъ, новымъ пришельцамъ и на этотъ разъ не задалось здѣсь. По ихъ слѣдамъ за ними погнались китайцы (44 чел.) и готовились уже на разсвѣтѣ напасть на нихъ, когда русскіе ночью тихонько покинули озеро и, благодаря своимъ болѣе свѣжимъ лошадямъ, ушли отъ погони, перейдя обратно границу выше Нарымскаго караула.

Неудача не ослабила, однако, энергіи. Составъ партіи можетъ мѣняться, но побужденія останутся тѣ же, и тѣ же люди, что дѣйствовали вчера, сегодня выступятъ снова, хотя бы и въ иной обстановкѣ, хотя бы добиваясь своей цѣли въ иномъ направленіи, по иному пути. Сейчасъ мы встрѣтимъ кое-кого изъ этихъ 11 человѣкъ на томъ-же самомъ поприщѣ, въ преслѣдованіи той-же завѣтной цѣли.

Минулъ годъ, и попытка уйти на Бѣловодье была предпринята въ размѣрахъ несравненно болѣе грандіозныхъ, да и съ результатами болѣе удачными. Въ іюнѣ 1828 г. изъ двухъ Бащалакскихъ селеній бѣжало 10 семей заводскихъ крестьянъ въ количествѣ 51 человѣка (24 м. и 27 ж.), захвативъ все имущество, что только можно было взять съ собою. Къ нимъ пристало еще 29 крестьянъ изъ деревни Чечулихи, да кромѣ того присоединились другіе изъ поселья Абайска, съ Змѣиногорскаго рудника,—въ общемъ набралось до 100 человѣкъ. Побѣгу, очевидно, предшествовалъ предварительный сговоръ, соглашеніе дѣйствовать совмѣстно. Бѣгство грозило принять еще бо́льшіе размѣры: въ Бухтарминской волости намѣревались за одно съ этими бѣжать крестьяне деревень Крестовской, Тургусунской и Парыгиной; но на этотъ разъ намѣреніе не было приведено въ исполненіе. Бѣглецовъ видѣли на становищѣ у рѣч.

Абаганъ, по пути на дер. Уймонъ, заселенную ясачными „каменьщиками". Предугадывая конечную цѣль побѣга—Китай,—начальство распорядилось отправить погоню.

Изъ той-же дер. Бащалакской снаряжена была партія въ 107 чел. крестьянъ со старостою Шаробаринымъ во главѣ, да вслѣдъ за ними пошелъ сотенный атаманъ Литвиновъ съ 2-мя урядниками и 20 казаками. Литвиновъ догналъ первую погоню лишь на Катуни, на устьѣ р. Чуи, уже „на такъ называемомъ Бѣловодьѣ", въ 600 верстахъ отъ Линіи. Изъ показаній, данныхъ крестьянами - преслѣдователями, Литвиновъ увидалъ, что онъ пришелъ слишкомъ поздно: бѣглецы какъ разъ за сутки до его прихода переправились за Чую и бѣжали далѣе. Переправа черезъ быструю рѣку совершилась на лодкахъ, часть коихъ нашлась тутъ-же на мѣстѣ, уже готовыми, часть же была сколочена спеціально на этотъ случай. Перебравшись на правый берегъ, бѣглецы предусмотрительно истребили свою флотилію да, кромѣ того, еще изломали на всемъ пути мостики, устроенные для безопаснаго проѣзда на каменистыхъ утесахъ и провалахъ, и вообще сдѣлали дорогу совершенно непроѣздною. Шаробаринъ ходилъ было къ нимъ за Чую, уговаривалъ вернуться, но тщетно; бѣглецы рѣшились живыми въ руки не даваться и заставили непріятельскаго парламентера поторопиться оставить ихъ въ покоѣ, грозя въ противномъ случаѣ пустить въ ходъ оружіе. Всѣ они оказались хорошо вооруженными и въ количествѣ болѣе 100 человѣкъ. Вожакомъ партіи былъ нѣкій Ѳедоръ Паломошновъ, тотъ самый, что въ прошломъ году въ числѣ 11-ти челов. ходилъ на Канасъ.

Приходъ Литвинова мало облегчалъ рѣшеніе задачи: бѣглецы были далеко впереди, за рѣкой, имѣя позади себя испорченный путь; крестьяне, отправленные въ погоню отказывались идти впередъ, ссылаясь на изморенныхъ лошадей и отсутствіе съѣстныхъ припасовъ. Чувство раздраженія слышится въ ихъ указаніи, что управленіе заводское само виновато въ побѣгѣ: его предупреждали-де и не разъ о приготовленіяхъ къ побѣгу, но никакихъ своевременныхъ мѣръ принято не было. Съ другой стороны, кто знаетъ, сколько тайныхъ сторонниковъ имѣли бѣглецы среди этихъ 107 человѣкъ, въ душѣ, можетъ быть, сочувствовавшихъ ихъ свободѣ и открывающейся впереди перспективѣ жить вдалекѣ отъ опеки и произвола заводскаго начальства?....

Литвиновъ, видя такое настроеніе, принявъ во вниманіе малочисленность своего отряда, а особенно неудобства гористой мѣст-

ности, вернулся обратно, съ своей стороны вполнѣ довольный возможностью закончить тяжелую и непріятную экспедицію. Объ этихъ субъективныхъ мотивахъ можно говорить почти положительно на основаніи общаго тона донесеній Литвинова и другихъ, изложенныхъ въ томъ „дѣлѣ", на основаніи котораго передается все это событіе. Въ этихъ донесеніяхъ такъ и читается плохо скрытая радость, по поводу возможности свалить причину медленности движенія своихъ отрядовъ или прекращенія преслѣдованія, на рѣчныя стремнины, на отсутствіе переправъ, на каменистыя дороги и т. п. препятствія, созданныя природой. Индифферентизмъ къ навязанной и непріятной задачѣ заставляетъ всѣ эти лица очень хладнокровно относиться къ неудачѣ дѣла, и здѣсь, конечно, слѣдуетъ искать, между прочими другими, объясненіе побѣговъ и ихъ сравнительнаго успѣха.

Не поймавъ бѣглецовъ на Чуѣ, пришлось просить содѣйствія китайцевъ на Чингистайскомъ пикетѣ. Но вѣсти оттуда были мало утѣшительныя: ничего не говоря о данной партіи, они скрывали зло, пустившее свои корни гораздо глубже, чѣмъ это можно было представить съ перваго взгляда. Оказалось, что въ пограничные китайскіе пикеты, Чингистайскій и другіе, за послѣднее время стали особенно часто пріѣзжать крестьяне изъ „каменьщическихъ" деревень: Уймана, Фыкалки, Бѣлой и др. Они привозили съ собою для продажи желѣзныя издѣлія, маральи рога, но безъ установленныхъ паспортовъ, и являлось сомнѣніе, не служитъ-ли имъ торговля однимъ предлогомъ удобнѣе высмотрѣть мѣста для побѣга за порубежную грань.

Съ русской стороны отданъ былъ приказъ возможно зорче слѣдить за побѣгами; распорядились устроить по линіи разъѣзды; но едва-ли все это могло оказать сколько нибудь серьезное воздѣйствіе, особенно когда китайцы—какъ это, пожалуй, ни покажется страннымъ съ перваго раза—въ сущности нисколько не думали мѣшать появленію въ своихъ предѣлахъ русскаго человѣка; они прямо заявляли, что пусть ѣздятъ для обмѣна товаровъ, пусть охотятся за звѣремъ, пусть даже рубятъ лѣсъ, косятъ сѣно, только бы имѣли паспорта...

На мысль о малоуспѣшности принятыхъ мѣръ невольно наводитъ повтореніе подобныхъ фактовъ и въ послѣдующіе годы. Напримѣръ, въ 1832 г. крестьяне дер. Фыкалки, Бѣлой и Сѣнной, оказывается, постоянно ходили за границу за звѣремъ и рыбой; вообще за Нарымъ русскіе ходили сѣять хлѣбъ, косить сѣно, рубить лѣсъ, при чемъ тѣснили китайскихъ киргизовъ, заводили съ ними

тяжбы. Въ томъ же 1832 г., читаемъ мы въ архивныхъ дѣлахъ, одинъ уймонецъ ѣздилъ туда торговать безъ всякаго спроса, а другой крестьянинъ, тоже изъ дер. Уймонъ, побывалъ въ Урульскомъ пикетѣ, продалъ тамъ китайцамъ свою лошадь за 12 дабъ, да тогда же и укралъ ее.

Куда-же однако бѣжала сотня Бащалакскихъ крестьянъ? Опросъ Ѳедорова брата, Николая Паломошнова, выяснилъ, что конечною цѣлью бѣглецовъ было какое-то озеро, служившее истокомъ р. Чульгѣ, мѣсто изобильное для привольной жизни; здѣсь они надѣялись свободно отправлять богослуженіе по своимъ стариннымъ обрядамъ. Озеро по цвѣту своей воды названо было Чернымъ. Послѣдняя подробность могла стать извѣстною Николаю Паломошнову, очевидно, лишь потому, что еще раньше это озеро видѣло на своихъ берегахъ русскихъ гостей. Такимъ образомъ, наши бѣглецы шли къ нему уже по проторенной дорогѣ. По этой же дорогѣ посланъ былъ въ погоню и второй казачій отрядъ. Именно еще лѣтомъ того же 1828 г. отправился съ 77 казаками хорунжій зауряд-сотникъ Черемновъ, доканчивать то, что не удалось Литвинову. На этотъ разъ бѣглецовъ накрыли (въ августѣ 1828 г.), но гдѣ! за 1000 верстъ отъ Линіи, въ хребтахъ Кемчуга, межъ р. Абаканомъ и Енисеемъ! Впрочемъ, и то далеко не всѣхъ: попались всего 22 мужчины и 26 женщинъ дер. Абалацкой; остальные-же, по свидѣтельству одного изъ пойманныхъ, не имѣя теплой одежды, должны были скрываться гдѣ нибудь у Сагайцевъ. Зато вмѣсто нихъ въ руки Черемнова попался—и уже совершенно неожиданно—бергаеръ Змѣиногорскаго рудника Космачевъ съ двумя сыновьями. Да кромѣ того, тутъ-же накрыли двухъ мужчинъ и двухъ „дѣвокъ", жившихъ на Абаканѣ уже цѣлыхъ два года „подъ видомъ пустынниковъ". Космачевъ и эти „пустынники" даютъ новое свидѣтельство въ пользу того, что сотня преслѣдуемыхъ крестьянъ отнюдь не была первыми піонерами края и что, намѣчая себѣ конечную цѣль движенія, они шли не наугадъ, а имѣя болѣе или менѣе ясное представленіе. Какая судьба ожидала захваченныхъ бѣглецовъ по возвращеніи, мы не знаемъ. „Дѣло" лишь упоминаетъ, что одна изъ „дѣвокъ" „отъ приключившейся ей болѣзни" умерла на обратномъ пути. Остальную партію велѣно было по прежнему разыскивать, но начальникъ отряда рапортомъ 15 декабря 1830 г., т. е. черезъ $1^1/_2$ года послѣ побѣга, доносилъ, что не знаетъ, гдѣ ихъ искать и какъ пройти въ ихъ становища.

Такъ ихъ и оставили въ покоѣ.

Но добились ли они своего и нашли ли желанное Бѣловодье?

VI.

Исканіе Бѣловодья въ наше время.

Что завоевать его вообще не легко, показываютъ факты послѣдующихъ годовъ. Такъ, въ 1832 г. 42 ясачныхъ крестьянина Бухтарминской инородческой волости бѣжали въ Китай, но неудачно: ихъ схватили и заставили вернуться. Въ статьѣ Принтца приведенъ слѣдующій эпизодъ. Лѣтъ 30—35 тому назадъ два брата Бобровыхъ вернулись изъ трехлѣтнихъ бѣговъ за китайскимъ рубежемъ и, укрываясь у родственниковъ, знакомыхъ, или такихъ же убѣжденныхъ старовѣровъ, какими были они сами, оживили среди жителей Бухтарминской долины память о Бѣловодьѣ. По ихъ разсказамъ, они жили тамъ въ числѣ 10-ти человѣкъ обоего пола, пользуясь полной свободой, привольной жизнью безъ труда, среди изобилія благодатной природы. Разсказы Бобровыхъ сманили многихъ. Въ 1861 г. 32 мужчинъ и 23 женщины тайкомъ перешли границу черезъ р. Нарымъ и другіе сосѣдніе пункты, пробрались за Нарымскій хребетъ съ тѣмъ, чтобы сойтись на верховьяхъ Чернаго Иртыша. Но предпріятіе, благополучно начатое, едва не кончилось очень трагично. Хрисанѳъ Бобровъ, отправившись вожакомъ, сбился съ дороги. Вмѣсто обѣтованной земли бѣглецы „нашли одну лишь безплодную, почти голую степь". Ихъ спасли взятые съ собою запасы; только благодаря имъ, не поплатились они жизнью, но зато „около двухъ лѣтъ бродили въ китайскихъ предѣлахъ по степямъ", претерпѣвая всевозможныя невзгоды и лишенія. Если кому и удавалось найти удобный уголокъ, то сейчасъ-же выростало препятствіе со стороны мѣстныхъ властей; да и что было дѣлать въ этомъ „удобномъ уголкѣ" при полномъ отсутствіи средствъ для первоначальнаго обзаведенія хозяйствомъ? „Почти всѣ они вернулись, одни сами, другіе вывезены китайцами и поселились на прежнихъ мѣстахъ, за исключеніемъ Бобровыхъ, которые пропали безъ вѣсти. Въ числѣ бѣжавшихъ были люди зажиточные; отправляясь туда, они продали часть своего имѣнія, большую же часть бросили на произволъ, и потому, возвратившись, почти ничего у себя не нашли и разорились совершенно. Нѣкоторые отправились съ 20-ю и 30-ю лошадьми, а возвратились или пѣшкомъ, или на одной только лошади. По распоряженію начальства, имъ возвращены прежде принадлежавшіе дома и пасѣки, а также деньги, вырученныя отъ продажи оставленнаго ими имущества, за вычетомъ подушныхъ денегъ, внесенныхъ за нихъ обществомъ"[1]).

[1]) *Принтцъ.* Каменьщики. *Записки Имп. Р. Г. Общ.* 1867, т. I, стр. 577—578.

Характерно, что неудача нисколько не поколебала самой вѣры въ существованіе Бѣловодья. Бухтарминцы были убѣждены, что бѣжавшіе не попали на него лишь потому, что взяли слишкомъ вправо, вмѣсто того, чтобъ идти влѣво отъ верховьевъ Чернаго Иртыша: тамъ, за голою степью, пройдя какихъ-то два китайскихъ города, и есть-де Бѣловодье[1]). Эта увѣренность отнюдь не должна удивлять насъ: можетъ-ли единичное исключеніе подорвать общее правило, истину основнаго принципа? „Недавно еще появилась между инородцами молва о какомъ-то Бѣлогорьѣ, находящемся, будтобы, также въ китайской землѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ границы Енисейской губерніи, Минусинскаго округа[2]). Послѣднія слова писаны Принтцемъ 35 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ „молва“ успѣла не только подтвердиться, но и двинуть не одну толпу народа какъ разъ именно въ эти мѣстности. Я уже имѣлъ случай упоминать, что за мое пребываніе въ Южномъ Алтаѣ мнѣ не разъ приходилось слышать о существованіи на р. Кемчугѣ (р. Кемчикъ— лѣвый притокъ Енисея—Улухема), въ землѣ сойотовъ, русскихъ деревень, устроившихся на полномъ привольѣ; замѣчу, что, по разсказамъ, изъ двухъ деревень въ одной насчитывается 100, а въ другой даже двѣ сотни дворовъ. Я не имѣлъ возможности провѣрить точность указанныхъ цифръ, одно несомнѣнно: русское населеніе горнаго Алтая находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ новыми засельщиками береговъ Кемчуга. Еще за два дня до моего пріѣзда въ Кошъ-Агачъ, что лежитъ на торговомъ пути изъ Бійска въ монгольскій городъ Кобдо, тамъ проѣхали два крестьянина изъ дер. Уймонъ (на берегахъ верхней Катуни), возвращавшіеся домой изъ своей поѣздки на Кемчугъ.

Движеніе на Бѣловодье можно прослѣдить вплоть до нашихъ дней. Еще въ 1888 г. толпа народа человѣкъ въ 50 бѣжала съ Кабы на китайскую границу. Въ погоню было послано три взвода казаковъ, которые и настигли бѣглецовъ еще на русской территоріи, на ур. Муздыбулакъ. Одинъ изъ участниковъ погони разсказывалъ мнѣ, какъ обстояло дѣло. Бѣглецы пріостановились было, поджидая въ условленномъ мѣстѣ остальныхъ товарищей; но одинъ изъ этихъ товарищей былъ пойманъ, указалъ, гдѣ искать остальныхъ, и 12 іюня тѣ были настигнуты. Угроза казаковъ стрѣлять подѣйствовала: тѣ, хотя и сами съ ружьями, увидали невозможность сопротивляться и сдались.

---

[1]) *Принтцъ,* Ibidem.

[2]) *Принтцъ,* 578.

Помня, что самовольный переходъ за границу, равно и подговариванiе къ такому переходу строго наказуется нашими законами (ср. ст. 328 Уложенiя о наказанiяхъ), невольно думаешь о примѣненiи этихъ законовъ и въ данномъ случаѣ. Но вспомните, какъ въ 1827 г. Ѳедоръ Паломошновъ, пригнанный съ Канаса, спокойно прожилъ зиму у себя дома въ деревнѣ, а на слѣдующее лѣто организовалъ цѣлую партiю и убѣжалъ съ нею на Абаканъ; вспомните, что бѣглецы 1861 г. получили обратно свои дома, пасѣки, даже деньги, вырученныя отъ продажи оставленнаго ими имущества, при чемъ не видно, чтобъ они получили какое либо иное возмездiе, кромѣ вычета изъ этихъ денегъ подушныхъ, что внесло за нихъ общество. (Еще-бы!). Тоже самое было и въ 1888 г. Бѣглецовъ лишь не допустили до побѣга и.... оставили въ покоѣ. Бѣжавшiе вернулись опять на Кабу и тутъ застроились, какъ ни въ чемъ не бывало. Я видѣлъ ихъ тамъ еще многихъ (въ 1896 г.)

Что это? Безсилiе власти? Не думаю, хотя правительственная власть вообще въ тамошнихъ мѣстахъ большой силою не обладаетъ. Скорѣе всего здѣсь дѣйствуютъ иные мотивы. Исканiе Бѣловодья не имѣетъ ничего общаго съ западно-европейскою эмиграцiею, гдѣ эмигрировшiй становится на вѣки отрѣзаннымъ ломтемъ. Уходя за китайскiй рубежъ, русскiй человѣкъ, въ сущности, вѣдь связей съ старой родиной не порываетъ. Правда, онъ преступаетъ «законъ», статью подъ такимъ-то №, но зла русскому «цѣлому» онъ вѣдь не наноситъ. Болѣе того: онъ заноситъ русскую культуру въ глубь Азiи, цивилизуетъ тамошнюю «орду;» онъ, по его собственному выраженiю, «русскому царю землицу завоевываетъ». И онъ правъ. Мы сейчасъ увидимъ, что никто, какъ онъ, этотъ «Бѣловодецъ», завоевалъ обширную полосу земли около Марка-куля, такъ что нашимъ дипломатамъ оставалось лишь оформить это завоеванiе; никто какъ онъ продолжаетъ это завоеванiе и теперь, безостановочно продвигаясь далѣе, намѣчая новые районы своему звѣрованью, новыя озера для ловли рыбы, торгуя съ зарубежнымъ урянхайцемъ или киреевцемъ, передавая ему товары центральныхъ русскихъ фабрикъ. И развѣ онъ поступаетъ несправедливо?

Вотъ эта-то правда, думается мнѣ, и освобождаетъ бѣловодца отъ примѣненiя къ нему законовъ во всей ихъ строгости. Тяготѣнiе къ Бѣловодью существуетъ, какъ мы видѣли, и по настоящую пору. Но, не говоря уже про то, что власть государственная съ каждымъ десяткомъ лѣтъ все болѣе и болѣе крѣпнетъ, что разбродъ въ прежнихъ размѣрахъ становится все труднѣе и труднѣе; что концентра-

разграниченіе между двумя государствами. Тогда же со стороны русскаго правительства было рѣшено обезпечить новое пріобрѣтеніе устройствомъ казачьихъ поселеній. Въ 1871 и 1872 г.г. основываются станицы Алтайская и поселокъ Урульскій[1]. Но характерно, что прежде, чѣмъ русское правительство успѣло, какъ слѣдуетъ, размежеваться съ китайскимъ и, тѣмъ болѣе, прежде чѣмъ оно успѣло положить начало, такъ сказать, «казенной» колонизаціи края, въ Бухтарминскую долину хлынули самостоятельные переселенцы, двинувшись туда вполнѣ по собственной иниціативѣ и положивъ основаніе русскимъ поселкамъ въ ту пору, когда занятая ими территорія нашею считаться еще въ сущности не могла.

Въ 1861 г. пермскіе крестьяне, Осинскаго уѣзда, въ количествѣ 223 душъ (конечно, ревизскихъ, не считая женск. п.) появились на одной изъ самыхъ южныхъ окраинъ Томской губерніи на земляхъ Алтайскаго горнаго округа, на ур. Теплый Ключъ, при рѣч. Черновой, притокѣ р. Бухтармы. Горное правленіе ничего не имѣло противъ ихъ появленія, и приписка состоялась въ 1865 г. Одной деревней, по имени Черновой, стало больше. Но еще раньше переселенцы, по крайней мѣрѣ, значительная часть ихъ, именно 35 семей, найдя землю для себя неудобною, самовольно передвинулись западнѣе.

Черновая, впрочемъ, не захирѣла отъ этого выселенія; населеніе ея, правда, уменьшилось, но это уменьшеніе, можетъ быть, скорѣе способствовало, чѣмъ повредило ея матеріальному благосостоянію. Личныя впечатлѣнія одного путешественника, видѣвшаго Черновую въ 1869 года, въ блестящихъ краскахъ рисуютъ положеніе новоселовъ[2])

---

[1]) Послѣдній едва ли не во всѣхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ Южному Алтаю, частныхъ и оффиціальныхъ, равно и на картахъ, обозначается именемъ Урыля, Урыльскаго. Но сколько я ни прислушивался къ произношенію жителей Бухтарминскаго края, этого *ы* я ни разу не могъ уловить, но всегда ясно слышалъ: Ур*у*ль, Ур*у*льскій.

[2]) „Вся деревня, говоритъ этотъ свидѣтель, состоитъ изъ девяти домовъ (при 60 челов. жителей об. пола), но занятыя ими мѣста по изобилію лѣса, луговъ и пашенъ, а также при благопріятныхъ условіяхъ для развитія пчеловодства, обѣщаютъ этой отдаленной пограничной колоніи блестящую будущность. Въ настоящемъ году крестьянами этой деревни засѣяно ржи, пшеницы, овса и ячменя около 80 десятинъ. Съ каждой густой десятины нажинаютъ отъ 800 до 1000 сноповъ. Съ овина (200 сноповъ) при хорошемъ умолотѣ получаютъ до 50 пудовъ зерна. Всходы яровыхъ хлѣбовъ въ нынѣшнемъ году очень хороши. Разные роды овощей, а также арбузы и дыни хорошо созрѣваютъ и поспѣваютъ обыкновенно въ августѣ. Благопріятныя условія для пчеловодства обѣщаютъ этой отрасли хозяйства самое широкое развитіе. Уже теперь здѣш-

ція народныхъ силъ все устойчивѣе и устойчивѣе,—не говоря уже про одно это, заграничное Бѣловодье вообще—даже въ видѣ попытки—все-же удѣлъ сравнительно немногихъ счатливцевъ. Большинству приходится довольствоваться пограничными областями.

Но чѣмъ рѣже въ наше время пробиваются наружу эти черты бродячей подвижной Руси, чѣмъ болѣе стѣснено свободное ихъ проявленіе, тѣмъ драгоцѣннѣе онѣ для историка, какъ живые обломки отдаленнаго прошлаго, наблюдать которое онъ теперь можетъ въ положеніи непосредственнаго зрителя;—тѣмъ драгоцѣннѣе эти черты и для этнографа, какъ выражніе современныхъ особенностей народнаго духа, вымирающихъ, и которымъ уже не повториться.... Оцѣнка же, сдѣланная историкомъ и этнографомъ, хотѣлось-бы думать, пріобрѣтетъ важное значеніе и въ глазахъ мѣстнаго администратора, указывая ему, что явленія, съ которыми онъ сталкивается въ своей практикѣ, суть выраженія силъ болѣе мощныхъ и болѣе неотвратимыхъ, чѣмъ капризъ и побужденія единичнаго ума.

VII.

Образованіе поселковъ Медвѣдки и Таловки въ Бухтарминской долинѣ.

Въ силу топографическихъ условій и географическаго положенія Бухтарминской долины, ея заселеніе совершалось, какъ и слѣдовало ожидать, съ запада на востокъ, вверхъ по теченію рѣки. Сначала была занята только нижняя часть долины; съ 1827 г. мы проникаемъ уже на среднее и верхнее теченіе рѣки, но владѣемъ имъ еще совмѣстно съ китайцами; вплоть до 1864 г. р. Бухтарма составляетъ нашу государственную границу, пока Чугучакскій договоръ не передалъ Россіи и лѣваго берега. Только съ этого времени долина стала русскою во всемъ своемъ объемѣ.

Но мы уже знаемъ, что рѣка давно потеряла характеръ рубежа и заставы, что русскіе промышленники всякаго рода то и дѣло переходили ее, появляясь мало того что на той сторонѣ Бухтармы, но и на той сторонѣ высокаго Алтайскаго хребта. Мы вправѣ поэтому видѣть въ только что упомянутомъ договорѣ наглядное доказательство органической связи правобережной полосы долины съ лѣвобережною и смотрѣть на него, какъ на отголосокъ и неизбѣжное слѣдствіе того постояннаго проникновенія русской народности за государственную грань, какое имѣли уже случай прослѣдить нѣсколькими страницами выше.

Въ 1869 и 1870 г.г. состоялось окончательное размежеваніе и

Между тѣмъ упомянутыя 35 семей отошли верстъ на 50 отъ Черновой и стали на рѣч. Терсъ-Булакъ (Медвѣдка), лѣвомъ притокѣ р. Бухтармы, справа отъ китайской дороги, что вела на пикетъ Чингистай (въ 50-ти верстахъ отъ него и въ 23-хъ отъ нынѣшней станицы Алтайской). Въ 1866 г. у нихъ тутъ было уже 8 жилыхъ домовъ, пасѣки и пашни. Рядомъ съ ними, на разстояніи меньше одной версты, слѣва отъ того мѣста, гдѣ рѣч. Терсъ-Булакъ пересѣкаетъ китайскій трактъ, на разрушенной зимовкѣ невѣрноподданнаго киргиза Чобомбаева оказались двѣ крестьянскихъ семьи Красковыхъ, пришедшихъ сюда изъ дер. Солоновки, что лежитъ въ Томской губ. за 30 верстъ отъ Терсъ-Булака. Красковы успѣли поставить жилой домъ съ прислугами (службами), устроили пасѣку въ 18 колодокъ, распахали пашни.

Пришельцы, и тѣ, и другіе, какихъ либо письменныхъ условій ни съ киргизами, ни съ китайскими властями, ни съ казаками, не заключали. Красковы ограничились подачею прошенія въ Алтайское Горное Правленіе, опираясь на дозволеніе, будто-бы данное имъ засѣдателемъ Бійскаго земскаго суда, и заявляли, что за зимовку заплатили два мѣшка ячменю и два топора, чего, впрочемъ, наслѣдникъ умершаго Чобомбаева не подтвердилъ.

Мало того, въ 17-ти верстахъ къ западу отъ Терсъ-Булака, на рѣч. Тнейсу (Таловая), на земляхъ такихъ-же «невѣрноподданныхъ киргизъ» распахали пашни другіе крестьяне, выходцы изъ Европейской Россіи и сосѣдней Томской губ.,—и притомъ также произвольно. Мало и этого. Русскіе появились на окрестныхъ урочищахъ Белькарагай и Кульмесъ-мергень, наконецъ, на урочищахъ Башъ-Караулъ и Орта-Караулъ на р. Нарымѣ и др.

Можно съ основательностью думать, что послѣдовавшее какъ разъ въ это время (1864 г.) дозволеніе на свободное переселеніе изъ Европейской Россіи на Алтай значительно обусловило этотъ почти одновременный притокъ новыхъ переселенцевъ въ предѣлы Бухтарминскаго края. Каковы-бы, впрочемъ, ни были причины этого движенія, но фактъ появленія русскихъ незамедлилъ сказаться враждебными отношеніями между ними и киргизами. Послѣдніе жаловались, что пришельцы рубятъ ихъ лѣсъ, косятъ сѣно, обстраиваются,

---

ніе крестьяне, занятые постройкою домовъ и хлѣбопашествомъ, завели однакоже до 120 ульевъ. Съ каждаго улья собираютъ до 1 пуда меду и 3 ф. воску; послѣній продаютъ на мѣстѣ пріѣзжающимъ купцамъ, по 20 р. за пудъ, а медъ отъ 3 до 4-хъ руб. за пудъ". (*Бабковъ*. Свѣдѣнія о Верхне-Бухтарминской долинѣ. *Извѣстія И. Р. Г. Общ.* т. V, № 5, стр. 206).

тѣснятъ ихъ, а то и просто гонятъ. Белькарагайцы заявляли, что до сихъ поръ они ни отъ кого не терпѣли обиды, ни со стороны Китая, ни со стороны Россіи. А теперь пришли русскіе, разломали и сожгли домъ муллы, на ур. Каратау тоже выжгли нѣсколько зимовокъ. Жалоба отъ біевъ Каратаевскаго рода Ергенеклинской волости, поданная 30 апрѣля 1867 г. на имя Семипалатинскаго губернатора, говорила объ отнятыхъ зимовкахъ, о выжженныхъ степяхъ, объ остающихся безъ присмотра дворахъ на зимовкахъ. Киргизы Богай-Буринскаго рода указывали, что, живя у р. Нарыма, они платятъ ясакъ и ремонтную пошлину за скотъ, выгоняемый въ зимнее время на русскую сторону рѣки, зимовки же ихъ стоятъ на китайской сторонѣ, причемъ ясакъ платится и китайцамъ. Но вотъ уже года два, какъ пришли на ихъ землю русскіе, стали скашивать у нихъ сѣно и сгоняютъ ихъ съ мѣста (съ Башъ-Караула и Орта-Караула).

Такимъ образомъ, передовые застрѣльщики русской колонизаціи, можно сказать, по всей линіи закладывали свои добровольные форпосты и начинали аттаку на непріятеля. Съ первыхъ-же шаговъ перевѣсъ оказался на сторонѣ нападающихъ: киргизы, хотя и превосходившіе числомъ, всюду отступали со своихъ позицій. Въ одномъ случаѣ укочевало 500 кибитокъ каратаевцевъ на ур. Укокъ, въ китайскіе предѣлы; въ другомъ—ушло 1500 кибитокъ изъ общаго числа 4500.

Жалобы киргизовъ плохо помогали. Правда, въ сентябрѣ 1866 г. велѣно было немедленно выселить самовольныхъ переселенцевъ. Съ формально-юридической точки зрѣнія, администрація разсуждала, конечно, вполнѣ основательно, говоря, что нельзя допускать переселенцевъ лишь на основаніи собственнаго ихъ голословнаго заявленія, будто-бы приходить сюда никто имъ не мѣшалъ, пришли же они потому, что новыя мѣста имъ приглянулись и показались удобнѣе прежнихъ. Но и съ другой стороны, легче было отдать приказаніе чѣмъ заставить исполнить его. Громадныя разстоянія, первобытные пути сообщенія, наконецъ, обычная канцелярская процедура—все это «немедленное» дѣло превращало въ очень медленное.

Для иллюстраціи беремъ такой образчикъ: одна изъ поданныхъ киргизами жалобъ лежитъ подъ сукномъ 5 мѣсяцевъ. На запросъ: почему ей не дано надлежащаго движенія?—отвѣтъ дается такой: разслѣдованія нельзя было произвести, такъ какъ зимою, изъ за снѣговъ, въ тотъ глухой край совсѣмъ и попасть нельзя. Вотъ эта-то глушь, въ связи съ неповоротливостью громоздкой административ-

ной машины, и дѣлала переселенцевъ неуязвимыми. На требованіе Кокпектинскаго засѣдателя уйти съ своихъ мѣстъ, крестьяне отвѣчали отказомъ; начальнику Алтайскаго отряда тоже не удалось выдворить ихъ. На жалобы киргизовъ переселенцы подали встрѣчныя, обвиняя (въ 1867 г.) каратаевцевъ и самайцевъ въ притѣсненіяхъ и грабѣжахъ. Положеніе дѣла запутывалось и осложнялось; обѣ стороны обвиняли другъ друга, причемъ правы и виноваты оказывались одновременно и тѣ и другіе. Разобраться, кто первый дѣлалъ вызовъ, и кто лишь отвѣчалъ на него, становилось положительно трудно.

А тутъ еще вдобавокъ, рядомъ съ новоселами, выступили на сцену посторонніе, хотя и вполнѣ однородные элементы: старшина Бухтарминской инородческой волости съ толпою крестьянъ переѣхалъ р. Бѣлую, захватилъ у киргизовъ 48 лошадей и подѣлилъ ихъ съ товарищами (сент. 1867 г.). Въ томъ же 1867 г. съ Нарыма, изъ деревень Макаровки и Вороньевки наѣхало много крестьянъ на р. Курчумъ; они купили у киргизовъ рыбы, а на обратномъ пути крали скотъ, захватывали самихъ жителей. Киргизы подали жалобу, а пока, до рѣшенія дѣла, захватили двухъ крестьянъ въ видѣ заложниковъ; но такъ какъ оффиціальное увѣдомленіе о переходѣ долины Курчума къ Россіи еще не было получено, то мѣстная администрація не считала возможнымъ давать дѣлу надлежащій ходъ, что, въ свою очередь, успокоенію умовъ, разумѣется, содѣйствовать отнюдь не могло.

Между тѣмъ, на Терсъ-Булакъ и Тнейсу, иначе Медвѣдку и Таловку, какъ стали называть переселенцы основанныя ими деревни[1]), въ мартѣ 1868 г. пришло и поселилось изъ Крутоберезовской волости, Томской губ., новыхъ 48 семей, и теперь уже въ средѣ самихъ русскихъ пошли несогласія. Первые засельщики жаловались на вновь прибывшихъ, говоря, что это закоренѣлые раскольники, которыхъ издавна не велѣно селить у Китайской границы. Іуда Первовъ, по свидѣтельству Ядринцева, «основатель» дер. Черновой[2]), въ данномъ случаѣ явился представителемъ интересовъ обѣихъ деревень и началъ охлопатывать дѣло.

Все вышеразсказанное создало обширную переписку, потребовались разъясненія, дѣло затягивалось, а пришельцы все глубже и глубже пускали корни на занятой землѣ. Въ августѣ 1868 г. областная

---

[1]) У Таловки есть еще и другое названіе: Солдатово.

[2]) Раскольничьи общины на границѣ Китая. *Сибирскій Сборникъ* 1886 г. кн. I, стр. 35.

администрація[3]) находила уже прямо неудобнымъ выселять ихъ, потому что выселеніе окончательно разорило-бы новоселовъ и, кромѣ того, явилось бы вродѣ признанія права киргизовъ на самую землю, а это шло въ разрѣзъ съ проектированнымъ тогда и вскорѣ утвержденнымъ Положеніемъ объ управленіи киргизами, которое смотрѣло на послѣднихъ лишь какъ на владѣльцевъ, но отнюдь не собственниковъ даннаго участка земли. Признать право киргизовъ на землю казалось неудобнымъ еще и потому, что, если-бы впослѣдствіи пришлось водворять уже въ эту пору задуманные казачьи поселки, то именно здѣсь, въ долинахъ Нарыма и верхней Бухтармы, въ районѣ столь богато одаренномъ природою. На основаніи вышеизложеннаго семипалатинскій губернаторъ положилъ оставить новоселовъ на мѣстѣ и надѣлить ихъ землею по 15 дес. на душу, съ тѣмъ, однако, чтобы новыхъ приселеній уже болѣе не допускать.

Надѣлъ медвѣдцы дѣйствительно получили въ 1873 г., а самая нарѣзка произведена въ 1875 г., въ размѣрѣ 2189 дес. 1717 саж. по разсчету на 284 души, и если надѣлъ этотъ оставался неутвержденнымъ вплоть до 1886 г., то единственно лишь вслѣдствіе начавшейся переписки о перечисленіи означенныхъ крестьянъ изъ Томской губерніи въ Семипалатинскую область.

VIII.

Движеніе на Кабу. Характеръ Кабинскихъ долинъ.

Вся только что разсказаная, по архивнымъ даннымъ, исторія образованія поселковъ Медвѣдки и Таловки наглядно рисуетъ характерныя условія заселенія отдаленныхъ окраинъ южной Сибири. Самовольное появленіе, неизбѣжныя столкновенія съ туземнымъ населеніемъ, бумажныя предписанія, пассивное сопротивленіе этимъ предписаніямъ, наконецъ торжество новосела, достигнутое терпѣніемъ, выдержкой, при помощи, какую оказываетъ ему время и дальнее разстояніе,—вотъ краткая схема этого колонизаціоннаго процесса.

Въ сущности то-же встрѣтимъ мы и на Кабѣ. Независимость и энергичная настойчивость при заселеніи южныхъ склоновъ Алтайскаго хребта русскій человѣкъ проявилъ, пожалуй, еще ярче, чѣмъ при основаніи Медвѣдки и Таловки. Въ послѣднемъ случаѣ поселенецъ шелъ на землю «невѣрноподданныхъ киргизовъ», если не настоящихъ, то все-же долженствовавшихъ въ силу договора стать таковыми, такъ наз. въ просторѣчьѣ *двоеданъ*, платившихъ одновре-

[3]) Таловка и Медвѣдка находятся въ предѣлахъ Семипалатинской области.

менно подать и русскому и китайскому правительству. На Кабѣ-же новоселъ прямо залѣзалъ на завѣдомо чужую территорію.

Уже разграничительная комиссія 1869 г., при объѣздѣ пограничныхъ мѣстностей, констатировала фактъ появленія за Алтайскимъ хребтомъ, на тогдашней китайской территоріи русскихъ людей[1]). Русскій охотникъ за маралами, соболемъ и медвѣдемъ, русскій пасѣчникъ-пчеловодъ, русскій рыболовъ и торговецъ показались на берегахъ озера Марка-куля, изобилующаго рыбою, въ лѣсахъ и долинахъ Кабы, богатыхъ звѣремъ,—явленіе вполнѣ естественное, если вспомнить, что эти пасѣки, рыбныя озера и изобилующіе звѣремъ лѣса привлекали къ себѣ вниманіе пограничнаго населенія уже съ давнихъ поръ, втеченіе цѣлаго ряда десятковъ лѣтъ.

Такимъ образомъ выходило, что новая граница съ перваго же момента своего существованія въ сущности запоздала и неудовлетворяла болѣе своему назначенію. Горная стѣна въ 8000 футовъ высоты оказалась недостаточною преградой для наступательнаго движенія русскаго человѣка. Напоръ русской волны сломилъ и ее.

Хотя на упомянутомъ Марка-кулѣ и на Кабѣ русскій человѣкъ былъ лишь временнымъ гостемъ, но экономическіе интересы съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе дѣлали новую мѣстность необходимою для его существованія. Вотъ почему вмѣшательство правительственное стало неизбѣжнымъ очень скоро. Петербургскій договоръ съ Китаемъ 1881 года постановилъ пересмотрѣть государственную границу, къ чему тогда-же и было приступлено. Разграничительная комиссія отодвинула государственную грань съ Алтайскаго хребта далѣе на югъ, проведя ее тамъ, гдѣ она проходитъ теперь, т. е. отъ верховьевъ р. Акъ-Кабы по теченію этой послѣдней, черезъ ур. Акъ-Калка. Кызылъ-Ащи, по р. Алкабеку и далѣе на югъ, пересѣкая Кара-Иртышъ на значительномъ разстояніи выше его впаденія въ озеро Зайсанъ. Такимъ образомъ, весь бассейнъ Марка-куля съ Кабою вошелъ въ составъ русской территоріи (1883 г.) Фактъ этотъ не замедлилъ сказаться своими послѣдствіями: присоединеніе озера Марка-куля съ окрестными урочищами, горами и долинами послужило сигналомъ къ болѣе усиленному движенію русскихъ людей за Алтайскій хребетъ, и уже на положеніи не временныхъ гостей, а постоянныхъ обитаталей края.

Подъ Кабою слѣдуетъ разумѣть въ сущности не одну рѣку, а цѣлую систему рѣкъ, вливающихъ свои воды въ Черный Иртышъ.

---

[1]) *Бабковъ.* Свѣдѣнія о горныхъ проходахъ въ Южномъ или Пограничномъ Алтаѣ. *Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.*, т. VII, № 2 (С.-Пб. 1871) стр. 102.

Главная изъ этихъ рѣкъ, Бѣлая или Акъ-Каба, составляя государственную границу на В., беретъ начало изъ той же снѣжной группы горъ, что и Бухтарма. Основное направленіе ея съ С. на Ю. Лѣвый притокъ Акъ-Кабы—Нарымъ-Каба – уже въ китайскихъ предѣлахъ[1]). Значительно западнѣе истоковъ Бѣлой Кабы, непосредственно съ южнаго склона Алтайскаго хребта, вытекаетъ Черная Каба (Кара-Каба) и, пройдя въ западномъ направленіи, круто поворачиваетъ къ Ю.[2]), задержанная въ своемъ теченіи кряжемъ Джаты-Кезень[3]). Отсюда она постепенно поворачиваетъ къ В. и такимъ образомъ описываетъ довольно правильный полукругъ.

Слившись съ Джаманъ-Кабою и идя почти прямо на В., Кара-Каба лѣвымъ берегомъ своимъ соприкасается съ двумя долинами, которыя подходятъ къ рѣкѣ южными своими сторонами. Это такъ наз. долины Кара-Кабинская и Арасанъ-Кабинская[4]).

Слившись съ Арасанъ-Кабою, Кара-Каба далѣе течетъ уже на Ю. вдоль другаго невысокаго кряжа, за которымъ, къ З., лежитъ третья долина, Чанагатинская. Вся эта мѣстность чрезвычайно прихотливо изрѣзана горами, что обусловило извилистость теченія и самыхъ рѣкъ.

Тюсь-Каинская долина[5]) образуетъ трехъугольникъ, остріемъ опрокинутый къ Ю., къ мѣсту сліянія Тюсь-Каина съ Кара-Кабой, а широкимъ основаніемъ опирающійся на южные склоны Кызылъ-Кезеня. Западный кряжъ отдѣляетъ долину отъ оз. Марка-куля, а съ В.—невысокая, волнообразная возвышенность въ видѣ безлѣсной терассы, шириною въ 10—12 верстъ, отъ долины Балыкъ-Булакской.

Въ указанныхъ предѣлахъ Тюсь-Каинская долина имѣетъ 10 верстъ длины, съ С. на Ю., до 15 в. въ сѣверномъ и 3—4 в. въ южномъ разрѣзѣ, по направленію отъ З. на В. Посреди долины на

[1]) На географическихъ картахъ Нарымъ-Каба неправильно показывается пограничной рѣкою.

[2]) Измѣренія, на сколькъ можно судить по описанію Финша, сдѣланныя графомъ Вальдбургомъ невдалекѣ отъ этого поворота, на С.-З. отъ него, на уровнѣ нѣсколько болѣе высокомъ показывали 1600 метровъ. (O. Finsch, Reise nach West-Sibirien im Iahre 1876. Seit. 270).

[3]) По измѣренію графа Вальдбурга, Джаты-Кезень находится на 1740 метрахъ надъ уровнемъ моря. (Finsch, 270).

[4]) Эти названія, впрочемъ, нынче все чаще и чаще замѣняются иными: по имени тѣхъ деревень, которыя расположены въ этихъ долинахъ: Тюсь-Каинъ, на Тюсь-Каинѣ и притокѣ Кара-Кабы, и Балыкъ-Булакъ, на рѣчкѣ того-же названія, притокѣ Арасанъ-Кабы.

[5]) Тюсь—соль, солонецъ; каинъ—березнякъ.

Ю. бѣгутъ рѣч. Тюсь-Каинъ и Березовка; западный и юго-западный край долины орошаются р. Кара-Кабою.

Высота положенія Тюсь-Каинской долины опредѣляется, по довесеніямъ мѣстныхъ геодезистовъ, въ канцеляріи степного генералъ-губернатора, въ 3,850 фут., каковая цифра можетъ быть признана скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной, такъ какъ извѣстный геодезистъ З. Сибири генералъ Мирошниченко, очевидно, объ этой долинѣ говоритъ, что она лежитъ на высотѣ 4400 фут.[1]). Горы, замыкающія долину съ С.-З. на Ю., покрыты хвойнымъ строевымъ лѣсомъ, почти исключительно лиственницей, берега же Кабы унизаны смѣшаннымъ лѣсомъ, преимущественно осиною и березой. Повсюду богатыя кормовыя травы.

Вторая долина—*Балыкъ-Булакская*—я позволяю себѣ такъ называть ее по имени селенія, нынѣ расположеннаго на ней, хотя главной водной артеріею ей служитъ р. Арасанъ-Каба (Теплая Каба)—имѣетъ основное направленіе то-же, что и эта, только что названная рѣка: съ С. на Ю. По формѣ она, подобно Тюсь-Каинской, тоже представляетъ треугольникъ, опущенный къ Ю., съ тѣмъ лишь различіемъ, что острый уголъ въ ней скошенъ, и объемъ площади гораздо больше. Вообще долина Балыкъ-Булакская самая крупная изъ всѣхъ трехъ, гдѣ нынѣ расположены русскія поселенія. На З. Тюсь-Каинскую долину отдѣляетъ, какъ было сейчасъ замѣчено, неширокая полоса холмистыхъ нагроможденій; съ С.—горы, въ которыхъ Арасанъ-Каба пробиваетъ себѣ путь прежде чѣмъ выйти на равнину; съ В.—водораздѣлъ межъ бассейномъ Арасанъ-Кабы и верхнимъ теченіемъ Акъ-Кабы, а съ Ю.—Чанагатинскія горы. Трава и лѣсъ съ тѣмъ же характеромъ, какъ и на Тюсь-Каинѣ.

Чанагатинскую долину на С. отдѣляетъ отъ Балыкъ-Булакской Чанагатинскій кряжъ; съ В. ее граничатъ горы Сары-Джурюкъ; съ Ю.—Керегейтасъ; съ З.—Чанагаты-Бійке. Въ длину долина Чанагатинская тянется съ С.-З. на Ю.-В. верстъ на 12; ширина ея до 6 верстъ. Лѣсу здѣсь еще больше. Особенно западные склоны долины густо поросли лиственницей, образуя мѣстами непроходимыя чащи. По долинѣ бѣжитъ рѣч. Чанагаты, шириною въ 3—4 аршина; правые притоки ея: ручьи: Беркутъ-сай и Каска-Булакъ; а слѣва—Батпакъ-Булакъ.

Я только что привелъ названія горъ, окружающихъ Чанагатинскую долину, но не смѣю ручаться за точность этихъ названій, уже

[1]) Мирошниченко, Астрономич. работы, произведенныя въ Алтаѣ въ 1882 г. *Записки Военно-топогр. Отдѣла Главнаго Штаба*, ч. 39 (С.-Пб. 1884), стр. 197.

по одному тому, что нерѣдко одна и та же мѣстность у двухъ сосѣднихъ ауловъ или разныхъ группъ поселеній носитъ два неодинаковыхъ наименованія. Одни названія успѣли окрѣпнуть, стали вполнѣ прочными; другія—еще нѣтъ,—явленіе само по себѣ понятное и неизбѣжное въ мѣстностяхъ малонаселенныхъ, такъ какъ названія урочищъ имѣютъ пока лишь мѣстное значеніе, входятъ въ оборотъ лишь небольшой группы людей; они еще не обязательны для другихъ, и эти другіе работаютъ въ созданіи топографической номенклатуры въ свою очередь совершенно самостоятельно[1]).

Вопросъ о колонизаціи земель, пріобрѣтенныхъ съ 1883 г., мѣстная администрація своевременно поставила на очередь. Еще въ концѣ 1883 г. Степной генералъ-губернаторъ потребовалъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній, но недостаточное знакомство съ условіями мѣстности, до сихъ поръ почти совершенно чуждой для мѣстной администраціи, сказалось тѣмъ, что въ то время, какъ одни категорически отстаивали возможность образованія поселеній, и при томъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, именно по долинамъ р. Кара-Кабы, на ур. Акъ-Джайлау, на р. Калджирѣ, по рѣч. Теректы и др.; другіе, наоборотъ, находили удобнымъ всего лишь одинъ пунктъ—на устьѣ р. Калджира, на 50 семей, не болѣе. Первый отзывъ былъ высказанъ лицомъ вполнѣ авторитетнымъ, ген.-майромъ Бавковымъ. По званію начальника разграничительной комиссіи онъ не разъ лично посѣщалъ эту мѣстность и хорошо былъ освѣдомленъ о ней. Другой взглядъ принадлежалъ представителямъ мѣстной администраціи. Нельзя не признать, что оба мнѣнія имѣли право быть принятыми во вниманіе. Г.-м. Бавковъ оцѣнивалъ край съ точки зрѣнія абсолютныхъ его достоинствъ и пригодности для земледѣльческой культуры; мѣстной же администраціи приходилось взвѣшивать также и относительныя выгоды и невыгоды появленія русскихъ колонистовъ въ за-Алтайскомъ краѣ,—и здѣсь выступали уже иныя соображенія: но-

[1]) Кстати о номенклатурѣ топографической. На Кабѣ—да впрочемъ и въ Бухтарминской долинѣ тоже—легко наблюдать общій законъ, по которому названія урочищъ большаго значенія и крупныхъ размѣровъ принимаются безъ измѣненія въ словарь новопришедшаго народа; названія же урочищъ болѣе мелкихъ подвергаются, хотя и не всегда, измѣненію, путемъ-ли перевода, или самостоятельной замѣны. Такъ, названія Алтайскаго хребта, оз. Марка-куля одинаковы что у киргизовъ, что у русскихъ. Но Кара-Каба зачастую зовется уже Сорвой, Джаманъ-Каба—Сорвенкомъ; гора Таутэкэлэ—Ямманушкой. Теректы (отъ терекъ—тополь) превратилась въ Тополевку; Моилды—въ Черемушку; Карагачъ—въ Еловку и т. п. Появились рѣчки Проходныя, Тихушки, Урянхайки, Черемовки; Соболиный мысъ на оз. Марка-кулѣ и пр.

мый моментъ подачи прошенія они находились на облюбованномъ участкѣ; кромѣ нихъ оказались и другіе желающіе; тѣ тоже не только просили, но и шли. Отдаленность мѣста, а вслѣдствіе этого неизбѣжный недостатокъ административнаго надзора, дали піонерамъ Кабинскаго края возможность замѣнить прежніе шалаши и юрты деревянными избами, рубить лѣсъ, обзавестись, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, пашнями[1]).

Въ августѣ 1886 г. переселенцевъ на Кабѣ было уже 200 душъ мужск. п. Въ своихъ просьбахъ они опираются на произведенный опытъ и обильный урожай хлѣба и овощей, заявляя, что на старыхъ мѣстахъ имъ тѣсно, пашни тамъ выпаханы, одолѣли дикія травы. Однако областное начальство колебалось: прочная осѣдлость въ мѣстности на столь высокомъ уровнѣ моря казалась невозможною; глубокіе снѣга, заносы, прекращавшіе зимою сообщеніе черезъ горные перевалы, отсутствіе киргизскихъ зимовокъ, безлюдность края и вообще полная разобщенность отъ остальнаго міра—все это пугало, какъ серьезная помѣха поставленной цѣли.

Нуждаясь въ болѣе твердой точкѣ опоры по вопросу о колонизаціи Кабинскаго края, начальство организовало лѣтомъ 1887 г. временную поземельную комиссію для подробнаго изслѣдованія пограничной полосы юговосточной части Семипалатинской области, въ уѣздахъ Зайсанскомъ и Усть-Каменогорскомъ. На комиссію возлагалась задача намѣтить пункты поселенія и хотя-бы приблизительно опредѣлить количество годныхъ для хлѣбопашества земель.

Комиссія, подъ предсѣдательствомъ войскового старшины Нарбута, подраздѣлила осмотрѣнныя земли на три категоріи:

1) Земли, удобныя для пашни, сѣнокоса, сбыта продуктовъ, достаточно снабженныя поблизости строевымъ лѣсомъ, и отчужденіе коихъ будетъ киргизамъ не стѣснительно. Таковыми оказались ур. Чубаръ-Агачъ, Кулуджунской волости, Усть-Каменогорскаго у., въ размѣрѣ 8.000 десятинъ. Здѣсь находились одни лѣтнія стойбища Караулъ-Ясыковскаго и частью Матаевскаго родовъ. Этотъ участокъ комиссія предлагала предоставить исключительно переселенцамъ изъ Европейской Россіи.

2) Земли удобныя для поселеній, но болѣе удаленныя отъ путей сообщенія, не столь выгодныя для сбыта и болѣе необходимыя для киргизовъ, именно мѣстность, отошедшая къ Россіи въ 1883 г. Ко-

[1]) Первые поселенцы на Кара-Кабѣ, крестьяне Егоровъ и Филоновъ, устроились не на мѣстѣ нынѣшняго Тюсь-Каина, а верстахъ въ 5 отъ него: остатки и заросль брошеннаго жилья видны еще и теперь (1896).

вое разграниченіе съ Китаемъ, по этому второму мнѣнію, очень стѣснило кочевое туземное киргизское населеніе, внесло экономическое потрясеніе, и проэктируемыя нарѣзки въ пользу русскихъ крестьянъ-земледѣльцевъ вызывали опасеніе, какъ бы киргизы не откочевали за границу. Система русскаго земледѣлія вообще давала мѣстной администраціи слабыя надежды на прочность крестьянскихъ поселеній; а съ другой стороны указывалось, что киргизы сами все болѣе и болѣе стремятся къ земледѣлію, и что ихъ способъ обработыванія полей гораздо менѣе истощаетъ почву.

Тѣмъ не менѣе Департаментъ Земледѣлія и Сельской Промышленности рѣшилъ въ 1885 г. включить указанныя мѣстности въ число тѣхъ, гдѣ отрядъ чиновъ по образованію переселенческихъ участковъ могъ производить свои работы.

IX.

Заселеніе Кабинскихъ долинъ (1883—1896).

Впрочемъ, всѣ эти соображенія носили пока теоретическій характеръ; на дѣлѣ-же русскій человѣкъ, не спрашивая ничьего согласія, не принимая во вниманіе никакихъ административныхъ соображеній, появился на Кабѣ совершенно самостоятельно. Мѣстная администрація не успѣла еще ни ознакомиться съ новыми землями, ни опредѣлить нуждъ и размѣровъ туземнаго населенія, какъ на р. Кабѣ показались первыя избы. Къ нимъ не замедлили присоединиться другія.... Пока шла переписка, прежнія толпы увеличились новыми; правда, не всѣ изъ пришедшихъ остались на мѣстѣ; часть возвращалась домой; но убыль съ избыткомъ восполнялась новыми пришельцами. Переселенцы и на новомъ мѣстѣ осѣдали не сразу: распаханная пашня зачастую бросалась, срубленная изба покидалась или переносилась на новое мѣсто. Это было въ полномъ смыслѣ *исканіе* лучшихъ мѣстъ въ слѣпую, безъ какихъ либо предварительныхъ развѣдокъ.

Уже въ 1884 г. крестьяне деревень Верхне-Бухтарминской, Коробихи, Сѣнной и др. подаютъ прошеніе о разрѣшеніи имъ поселиться по ключу Талъ-Булакъ, впадающему въ рѣч. Сорву, притокъ Акъ-Кабы. Этотъ уголокъ—та долина, гдѣ нынче стоитъ деревня Тюсь-Каинъ—они облюбовали, конечно, гораздо еще раньше подачи самаго прошенія. Просителямъ обѣщали имѣть ихъ въ числѣ первыхъ кандидатовъ, а пока совѣтовали обождать. Но тѣ ждать и не думали. Можно почти съ увѣренностью сказать, что уже въ са-

миссія намѣтила здѣсь 4 поселенія: по р.р. Тюсь-Каинъ (иначе Кара-Каба) въ 5.000 десятинъ; Арасанъ-Каба—15.000 дес.; Чавагаты—5.000 дес. и Акъ-Джайлау—5.000 десятинъ. Кромѣ того нагорныя урочища: Теректы (Курчумской вол. Устькаменогорскаго у.)—въ 2.500 дес. и двѣ другихъ мѣстности далѣе отъ Марка-куля: по р. Чару и Алпаръ—Черный Иртышъ. Всего ко 2-й категоріи было отнесено 7 участковъ съ 69.500 десятинъ.

3) Земли хотя и удобныя для хлѣбопашества, но лишь подъ условіемъ полива, и нынѣ эксплоатируемыя киргизами. Такихъ нашлось шесть участковъ въ размѣрѣ 30.000 десятинъ. Комиссія полагала, что эту послѣднюю категорію слѣдуетъ оставить исключительно за киргизами, въ виду постоянно усиливающагося перехода ихъ къ землидѣлію, такъ какъ послѣднее перестало быть нынѣ однимъ только подспорьемъ къ скотоводству, какъ 20 лѣтъ назадъ, а уже само по себѣ составляетъ важную отрасль ихъ хозяйства. Съ этою цѣлью напоминалось, что уже въ началѣ 60-хъ г.г. въ средѣ киргизскаго населенія образовался классъ *егенчей*, т. е. земледѣльцевъ. Въ общемъ комиссія войскового старшины Нарбута намѣчала для поселеній мѣстности нагорныя, занятыя лѣтними, а не зимними стойбищами киргизовъ, т. е. земли свободныя, которыя можно было занять, и не спрашивая согласія туземцевъ.

Объѣзжая долины, комиссія встрѣтилась на Кара-Кабѣ (Тюсь-Каинъ) съ группой новоселовъ изъ Бійскаго округа. Ихъ было 30 семей, жившихъ въ избахъ и временныхъ шалашахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что это былъ остатокъ тѣхъ 200 душъ мужск. пола, которыхъ мы видѣли тутъ же въ прошломъ году, такъ какъ, по свидѣтельству комиссіи, открытые ею новоселы еще съ прошлаго 1886 г. сдѣлали пробные посѣвы. Нынѣшнею же весною они приступили къ обработкѣ земли, обсѣменивъ до 20 дес. пшеницей,ярицей, овсомъ, льномъ, горохомъ, просомъ и разными огородными овощами, съ хорошимъ результатомъ; готовили пашню и на будущій годъ, а на зиму сѣно для скота, котораго насчитывалось 85 головъ лошадей и коровъ. Къ 25 іюля 1887 г. (день осмотра) всѣ хлѣба уже дозрѣли, обѣщая урожай самъ 10—12. Появившаяся было на хлѣбѣ ржавчина, а въ поляхъ кобылка—большаго вреда не сдѣлали. Новоселы поджидали еще новыя партіи, до 100 семей; весь вопросъ сводился къ дозволенію образовать поселеніе. И новыя партіи не замедлили придти. Хотя «дозволеніе» и не было дано, но работы комиссіи послужили поводомъ къ слуху, будто-бы мѣста для поселковъ уже «отведены». Строгій цикуляръ ген.-губернатора 17 марта

1888 г. стремился было положить предѣлъ этому захвату. Но послѣднее оказалось далеко не столь легкимъ. Къ тому-же одна маленькая неловкость даже усилила притокъ народной волны.

Въ 1888 г. начальникъ выставленнаго на границѣ передоваго отряда получилъ предписаніе собрать свѣдѣнія о кабинскихъ переселенцахъ, объ условіяхъ ихъ жизни, размѣрѣ участковъ, о пользѣ, какую можно ожидать изъ заселенія этой мѣстности и т. п. Какъ это вышло, неизвѣстно, но только въ іюнѣ 1888 года по деревнямъ Верхне-Бухтарминской, Коробихѣ, Сѣнной и Бѣлой стали циркулировать записки, написанныя по одной формѣ неряшливымъ почеркомъ, на грязныхъ четвертушкахъ бумаги, на имя сельскаго старосты, гласившія слѣдующее: «немедленно выслать на р. Кара-Кабу такихъ-то (поименованы) крестьянъ, кои нужны на предметъ опредѣленія земельнаго надѣла р. Кара-Кабы, согласно поданнаго ими прошенія», при чемъ добавлялось, что «на поселеніе этихъ крестьянъ вскорѣ послѣдуетъ разрѣшеніе». Записки эти, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали переполохъ, народъ поднялся, сельскія власти останавливали, но ихъ не слушали.

Характерно—и это стоитъ особенно подчеркнуть, въ виду всего вышесказаннаго о двухъ колонизаціяхъ: правительственной и народной—характерно, что рядомъ съ обслѣдованіемъ края, предпринимаемымъ мѣстною администраціею, производятся самостоятельныя рекогносцировки самими искателями «новыхъ земель». Облюбовавъ и намѣтивъ мѣстность, они выбираютъ довѣренныхъ и хлопочутъ о заселеніи. Такъ, еще въ августѣ 1887 г. Хрисанѳъ Бобровъ и Бѣдаревъ отъ имени 72 семей разныхъ волостей подаютъ прошеніе объ отводѣ имъ участка на р.р. Арасанъ и Кара-Кабѣ (въ долинахъ Балыкъ-Булакской и Тюсь-Каинской). Въ лицѣ Хрисанѳа Боброва мы встрѣчаемъ стараго знакомца: это онъ въ 1861 г., почти за 30 лѣтъ передъ тѣмъ, водилъ партію на поиски китайскаго Бѣловодья. Безъ сомнѣнія, въ 1887 г. онъ былъ далеко не молодымъ. Но старость не убивала его энергіи, и если правильно одно указаніе, то это онъ въ 1883 г. подалъ первую мысль переселяться на Кара-Кабу.

Въ 1826 г. мы встрѣтили на оз. Канасѣ 72-лѣтняго Бердюгина; Іуда Парвовъ, основатель деревни Черновой, ищетъ новыхъ мѣстъ на ур. Терсъ-Булакъ и основываетъ дер. Медвѣдку. Въ этихъ постеянныхъ передвиженіяхъ, въ этомъ непрестанномъ исканіи «гдѣ лучше», въ этой рѣдкостной бодрости духа—цѣнномъ залогѣ всякаго успѣха—чувствуется, что далеко не одна матеріальная нужда гонитъ человѣка съ населеннаго мѣста, но, можетъ быть, еще болѣе

какая-то неудержимая страсть къ передвиженію, какая-то врожденная, или, по крайней мѣрѣ, воспитанная непосѣдливость, что-то въ родѣ наслажденія самымъ процессомъ передвиженія. Ни препятствія, создаваемыя природою, ни затрудненія, оказываемыя администраціей, ни даже возрастъ—ничто, повидимому, не останавливаетъ человѣка, и одна только смерть заставитъ улечься эти кипучія страсти, успокоитъ эти бродячія натуры. Наклонности передаются даже по наслѣдству. Въ настоящую свою поѣздку я видѣлъ на Балыкъ-Булакѣ самаго вліятельнаго тамъ человѣка, раскольничьяго начетчика. Онъ изъ фамиліи Бердюгиныхъ.

Ниже, по наблюденіямъ, вынесеннымъ изъ этого знакомства съ населеніемъ бассейна Кабы, мы увидимъ, сколько мощной энергіи, отваги и вѣры въ свои силы у тамошнихъ людей; но эти черты характера не трудно возстановить даже и по сухимъ бумагамъ канцелярскихъ «дѣлъ». Администрація опасалась заносовъ раннихъ снѣговъ, заморозковъ, и до извѣстной степени, можетъ быть, она была права, поскольку оцѣнивала климатическія условія мѣстности, но она недостаточно понимала характеръ тѣхъ людей, что шли на эти мѣста, и не догадывалась, что новосела хватитъ и на эти неблагопріятныя условія. Новая ревизія, произведенная въ августѣ 1888 г., констатировала фактъ «полнаго успѣха трудовъ», затраченныхъ переселенцами. Съ большими усиліями развели они пчелъ; благодаря роскошной флорѣ Южнаго Алтая, здѣшній медъ отличался замѣчательной бѣлизною, мягкостью и ароматичностью: «прекрасный выгонъ съ питательными кормами горныхъ травъ, отсутствіе падежа на скотъ даютъ возможность прочно установить скотоводство, а охота и рыболовство представляютъ немаловажное подспорье въ ихъ быту». Само населеніе трудовое и трезвое. Всѣхъ выѣхавшихъ на Кара-Кабу и Арасанъ-Кабу къ 19 августа 1888 г. числилось до 60 семей. Они обзавелись избами, подняли залоги, посѣяли озимую рожь, заготовили скоту сѣна на зиму, перевезли имущество. Киргизамъ, по свидѣтельству оффиціальныхъ донесеній, они мало мѣшали, такъ какъ заняли, въ сущности, лѣтовки неподданныхъ киргизовъ, оставшіяся за нами по послѣднему разграниченію.

Тѣмъ не менѣе положеніе новоселовъ было еще далекимъ отъ того, чтобы его можно было назвать устойчивымъ. Прошли годы, прежде чѣмъ имъ удалось завоевать себѣ вполнѣ прочный pied-à-terre.

Прошеніе Боброва и Бѣдарева, на основаніи вышеупомянутаго циркуляра 17 марта 1888 г., было отклонено (весною 1889 г.), и крестьянъ велѣно выселять. Часть, именно 40 семей, дѣйствительно

покинули Арасанъ-Кабу и Кара-Кабу, но тамъ остались другія 24 семьи, въ числѣ которыхъ были и вновь пришедшія съ весны 1889 г. Изъ этихъ 24 семей (98 чел. м. п. и 73 ж. п.) лишь двѣ имѣли увольнительные приговоры и почти всѣ, за исключеніемъ лишь одной, были старообрядцы. Во главѣ ихъ[1]) опять стоитъ знакомая фамилія Бердюгиныхъ[2]). Переселенцы, которымъ грозило выселеніе, хлопотали хотя-бы о дозволеніи убрать посѣянный хлѣбъ и перезимовать, такъ какъ послѣ уборки хлѣба, благодаря ранней зимѣ, проходы черезъ Алтайскій хребетъ будутъ все равно занесены снѣгомъ. Дозволеніе, въ видѣ исключенія, дали; но весною слѣдующаго 1890 г. новоселы, оказалось, снова посѣяли хлѣбъ, по одной десятинѣ, и, кромѣ того, развели еще пчелъ. Что тутъ было дѣлать съ ними? Между тѣмъ, законъ 13 іюля 1889 года о свободномъ переселеніи изъ Европейской Россіи въ Сибирь былъ уже обнародованъ; въ силу его, въ 1890 г. на тѣ же мѣста, на Кабу, успѣло придти 12 семей самарцевъ, и начальство, вынужденное забыть свои прежнія строгія предписанія, дало согласіе на водвореніе.

Такъ возникъ въ 1890 г. поселокъ Тюсь-Каинъ, вѣрнѣе сказать, признанъ послѣ семилѣтняго фактическаго существованія. Впрочемъ, здѣсь необходимо оговориться. Съ именемъ деревни мы издавна привыкли соединять понятіе прочной, постоянной осѣдлости. Недаромъ деревня есть до нѣкоторой степени синонимъ русскихъ устоевъ, русскаго консерватизма. Но мы впали бы въ большую ошибку, прилагая эту-же мѣрку и къ Тюсь-Каину, и вообще ко всѣмъ поселеніямъ въ бассейнѣ Кабы. Населеніе тутъ было въ полномъ смыслѣ бродячее; въ миніатюрѣ здѣсь совершалось нѣчто вродѣ маленькаго «переселенія народовъ»; волны народныя шли, останавливались, продвигались впередъ, возвращались, смѣняясь одна другою, слѣдуя одна за другой. Покидая какое либо мѣсто, давшее ей временный пріютъ, толпа обыкновенно оставляла послѣ себя извѣстный осадокъ; каждый уходъ ея сопровождался потерею нѣсколькихъ членовъ, но убыль вскорѣ вознаграждалась на счетъ другой толпы, а отломившійся кусокъ, въ свою очередь, или входилъ въ составъ новой группы, или самъ становился зерномъ новаго ядра.

Мы только что видѣли, что въ августѣ 1887 г. Бобровъ ходатайствуетъ отъ имени 72 дворовъ; черезъ годъ вмѣсто 72 семей осталось всего 60. Изъ этихъ 60 уходятъ еще 40, но остается не 20, а 24 семьи: отливъ отчасти возмѣщенъ встрѣчнымъ приливомъ.

[1]) По крайней мѣрѣ, первою въ спискѣ.

[2]) Тогдашній представитель ея былъ Аѳанасій Бердюгинъ, 48 лѣтъ.

Одну минуту, казалось, убыль пополнится еще болѣе существенно: на Кабѣ показались 12 самарскихъ семей, но онѣ осмотрѣлись и прошли дальше, совсѣмъ покинувъ долину Кабы. Мало того. Когда вышло разрѣшеніе, убавилось и число 24. Къ лѣту 1890 года ихъ осталось на лицо всего 17 семей (80 душъ м. п. и 54 ж. п.) Не думайте, однако, что и эти усидятъ. Нѣтъ, поднялись и они, на этотъ разъ дружной толпою и, спустившись дальше на югъ, положили основаніе поселенію Чанагаты. Такимъ образомъ, Тюсь-Каинъ въ моментъ санкціонированія своего бытія пересталъ даже существовать и не въ силу внѣшняго воздѣйствія, а по собственной волѣ. Вспоминая предыдущія обстоятельства, невольно задаешься вопросомъ: о чемъ же думали эти люди и хлопотали раньше? Очевидно, во всемъ преобладаютъ еще стихійныя силы. Волна народная еще не улеглась, и общество еще не успѣло выработать той скрѣпы, того необходимаго цемента, безъ котораго нечего и думать о какой либо общественной организаціи.

Вотъ какъ собственно это произошло.

Въ силу закона 13 іюля 1889 г., самарцевъ не только допустили къ заселенію, но и намѣревались, впредь до формальнаго надѣла, выбрать имъ подходящее мѣсто подъ усадьбы, разбивъ его на подворные участки. Тогда же партія курянъ и черниговцевъ изъ 10 человѣкъ получила разрѣшеніе идти на Кабу осматривать мѣста. Логически приходилось дать дозволеніе и тѣмъ 29 семьямъ. Поэтому рѣшено было и имъ отвести необходимое мѣсто, оставивъ тамъ, гдѣ эти уже сидѣли—если-бы мѣсто оказалось удобнымъ—или перевести на новое. Именно послѣднее и пришлось сдѣлать: вышеупомянутыя 17 семей предпочли Тюсь-Каину другой участокъ на рѣч. Чанагаты, притокѣ р. Кара-Кабы. Чанагаты, дѣйствительно, лежитъ нѣсколько ниже надъ уровнемъ моря, климатъ тамъ нѣсколько теплѣе, и мѣстность ранѣе освобождается отъ снѣга, который на Тюсь-Каинѣ стаиваетъ лишь въ первыхъ числахъ мая, причемъ втеченіе зимы его выпадаетъ тамъ очень много. Чанагатинское урочище было осмотрѣно новоселами еще раньше; въ сущности тамъ еще въ 1889 г. была если не первая борозда проведена, то вбита первая свая, сколоченъ первый шалашъ для житья.

6-го сентября 1890 г. пріѣхавшій землемѣръ произвелъ формальную нарѣзку Чанагатинскихъ участковъ въ размѣрѣ 1200 десятинъ удобной и 71 дес. неудобной земли; усадебное мѣсто, въ 50-ти саж. отъ рѣч. Чанагаты, длиною 304 сажени, шириною 90 саж., было разбито на 20 дворовъ. Изъ 17-ти наличныхъ семей только

на 4-хъ числилась недоимка (16 руб. 82 к.); кромѣ того, значилось:

лошадей	132 гол.	(у всѣхъ 17 семей),
рогатаго скота	201 »	(у всѣхъ 17 семей),
барановъ	21 »	(у 2-хъ семей),
ульевъ	53 кол.	(у 5 семей: 13, 1, 25, 7, 7),
засѣяно озимаго хлѣба .	$6^3/_4$ дес.	(6-ю семьями),
» ярового » .	39 дес.	(15-ю семьями).

Семей, не посѣявшихъ ни озимаго, ни ярового, было 2.

Когда сформированный поселокъ въ маѣ 1891 г. былъ переданъ въ вѣдѣніе Усть-Каменогорскаго уѣзднаго начальника, оказалось, что чанагатинцы отступили отъ указаннаго имъ плана и построили себѣ дома тоже у рѣки, но на версту ниже проэктированнаго участка: по ихъ мнѣнію, на новомъ мѣстѣ имъ будетъ ближе къ пашнямъ; къ тому-же на прежнемъ часть усадебъ оказалась бы на болотѣ. Чтобъ не разорять жителей, начальству пришлось примириться съ фактомъ ослушанія и не трогать ихъ.

Къ 1-му января 1892 г. въ Чанагатахъ насчитывалось уже 22 семьи; 87 м. п. и 66 ж. п. У нихъ было:

лошадей	131,
рогатаго скота	244,
ульевъ	39,
подъ посѣвомъ	29 дес.,
накошено сѣна	5450 копенъ.

5 человѣкъ занималось рыболовствомъ;

6 человѣкъ было грамотныхъ.

Недоимки распредѣлялись такимъ образомъ:
до 1891 г. за 8-ю семьями (изъ общ. числа 17) числилось 143 р. 46 к.;
да за 1891 г. прибавилось 89 р. 60 к. (у 6 сем. изъ числа тѣхъ же 8),—
всего къ 1892 г. недоимокъ приходилось 233 р. 06 к.

Казалось-бы, главное теперь сдѣлано; поселку положено начало, русло для народной волны найдено,—однако оказывается, приливъ и отливъ все еще не настолько ослабъ и понизился, чтобы вывести народившійся общественный союзъ изъ его эмбріональнаго состоянія. Впрочемъ, на этотъ разъ причины лежали не въ немъ самомъ, а вовнѣ.

Чанагатинцы всѣ пришли изъ Томской губ., съ земель Горнаго Алтайскаго округа. Требовалось предварительное отчисленіе отъ этого послѣдняго. Препятствій Главное Управленіе не ставило (1891), но съ одной лишь оговоркой, чтобы уходящіе предварительно получили отъ своихъ обществъ увольнительные приговоры, иначе говоря,

обезпечили-бы Кабинетъ въ уплатѣ своихъ недоимокъ. Но бывшіе односельчане чанагатинцевъ отказывались принять на себя ихъ долги, и въ результатѣ, многимъ новоселамъ, скрѣпя сердце, пришлось вернуться на старое гнѣздо (1892—1893). Тѣмъ не менѣе, Чанагаты не распались. Основное ядро продолжало держаться на мѣстѣ, а новые выселенцы не замедлили придать ему свѣжихъ силъ и упрочить дальнѣйшій его ростъ.

Между тѣмъ, и Тюсь-Каинъ, покинутый жителями, не остался пустовать: Бійскій округъ продолжалъ и для него играть роль officina gentium. Нѣсколько крестьянъ изъ этого округа пришли на Тюсь-Каинъ въ 1891 г., произвели запашку, накосили сѣна. „Тюськаинцы" существуютъ и въ 1892 г, неизвѣстно только въ какомъ количествѣ; во всякомъ случаѣ, не менѣе 16 дворовъ, какъ это будетъ видно сейчасъ ниже. Но скоро поселку грозитъ опасность въ лицѣ народившагося второго соперника. Подобно тому какъ два года назадъ „тюськаинцы" захотѣли стать „чанагатинцами", такъ теперешніе жители Тюсь-Каина задумали сдѣлаться „балыкъ-булакцами". Въ сентябрѣ 1892 г. 16 семей ходатайствуютъ и получаютъ разрѣшеніе переселиться съ Тюсь-Каина на Арасанъ-Кабу на ур. Балыкъ-Булакъ и образовать тамъ отдѣльное селеніе, Тюсь-Каинскія же земли имѣлось въ виду передать выходцамъ изъ Самарской губерніи. Есть основаніе думать, что—подобно тому, какъ это имѣло мѣсто и въ другихъ случаяхъ—просители прежде еще разрѣшенія сдѣлали первые шаги на пути обзаведенія на Балыкъ-Булакѣ; но на этотъ разъ, когда разрѣшеніе пришло, они почему-то передумали и вернули свои симпатіи той долинѣ, гдѣ впервые нашли себѣ пріютъ на Кабѣ: на Балыкъ-Булакѣ основалось всего лишь 2 семьи (изъ 4 ревизскихъ душъ), остальные такъ и остались на Тюсь-Каинѣ, объяснивъ свое рѣшеніе тѣмъ, что земля тутъ лучше, да и пашни были уже распаханы. Не заселивъ Балыкъ-Булака[1]), Тюсь-Каинъ все же однако продолжалъ таять. Въ 1893 г. тамъ всего 8 ревизскихъ душъ. Число наличныхъ домовъ (12) ясно говоритъ, что часть ихъ была брошена и пустовала. Причина этому, помимо личнаго желанія искать мѣста „получше", лежала, подобно Чанагатамъ, вовнѣ: Омская казенная палата не соглашалась на приписку безъ увольнительныхъ приговоровъ отъ обществъ, тѣ-же отказывали въ нихъ—и поэтому многимъ приходилось возвращаться.

Давая разрѣшеніе 16-ти семьямъ переселиться съ Тюсь-Каина на Балыкъ-Булакъ, мѣстная администрація никакъ не думала, что

[1]) Гдѣ, есть основаніе думать, и до 1892 г. уже сидѣло нѣсколько семей.

вмѣсто одного поселенія возникнетъ два, и что поселенцы расколются на двѣ самостоятельныхъ группы. Это не входило въ ея планы. Поэтому балыкъ-булакцамъ грозила опасность быть согнанными съ своего мѣста. Но во главѣ ихъ стоялъ вышепомянутый Василій Бердюгинъ, раскольничій начетчикъ. Онъ энергично отстаивалъ свою мысль не покидать Балыкъ-Булака и дать ему развиться въ настоящее поселеніе. Его усилія не пропали даромъ: лѣтомъ 1893 г. на Балыкъ-Булакъ подошли новыя 7 семей. Правда, ихъ велѣно было (окт. 1893 г.) выселить, какъ незаконно проживавшихъ; но мы сейчасъ увидимъ, что Балыкъ-Булакъ не только не потерялъ ихъ, но получилъ даже еще новое приращеніе.

Сила вещей оказывалась дѣйствительнѣе предписаній: на Кабу шли и шли; шли одинаково въ Балыкъ-Булакъ, и на Тюсь-Каинъ, и въ Чанагаты. Мы видѣли, что послѣдняя деревня формально обосновалась въ сентябрѣ 1890 г. Что касается до Тюсь-Каина, то хотя основное ядро его все еще не успѣло сплотиться и окрѣпнуть какъ слѣдуетъ, но будущая физіономія намѣчается и у этого поселка. Это чувствуетъ сама админастрація: въ 1892 г. у нея является сознаніе необходимости образовать изъ названныхъ двухъ поселковъ особую волость со включеніемъ въ нее Катонъ-Карагая, что лежитъ въ 2-хъ верстахъ отъ станицы Алтайской. Если съ проэктомъ пришлось повременить, то главнымъ образомъ потому лишь, что новоселы не имѣли надлежащихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ. Названный проэктъ любопытенъ, какъ доказательство того, что жизнь брала свое, и что почва подъ ногами новоселовъ, какъ никакъ, а становилась съ каждымъ годомъ все устойчивѣе и устойчивѣе. Правда, колебаній и борьбы впереди предстоитъ еще много: съ одной стороны сами новоселы еще не сразу выйдутъ изъ „эпохи переселенія народовъ"; съ другой стороны и администрація, въ силу дѣйствующихъ узаконеній, не будетъ еще считать себя вправѣ предоставить переселенцамъ полную carte blanche въ ихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ.

Такъ, напримѣръ, къ 1-му января 1893 г. въ Чанагатахъ числилось 23 семьи, но уже весною того же года ушло обратно 11 семей; лѣтомъ общее количество жителей снова доходитъ до 17 семей, и имъ отпускается казеннаго лѣса 1088 деревъ; въ ноябрѣ 1893— Тюсь Каинъ обзаводится собственнымъ сельскимъ старостою. Но многіе изъ пришельцевъ и тамъ и тутъ все еще безъ полныхъ юридическихъ правъ: власти находятъ, что новоселы стѣсняютъ туземныхъ киргизовъ, и потому отдаютъ распоряженіе (дек. 1893) выдворить

съ Чанагатовъ и Тюсь-Каина всѣхъ крестьянъ Томской губ., какъ не имѣющихъ права на поселеніе въ предѣлахъ Семипалатинской области.

Крестьяне, разумѣется, немедленно начинаютъ хлопотать о томъ, чтобы ихъ не трогали (февраль 1894): чанагатинцы указываютъ, что они на своемъ мѣстѣ съ 1889 г., а тюсь-каинцы (или каракабинцы, какъ ихъ еще нерѣдко тогда называли)—съ 1892. Изъ поданаго прошенія видно, что въ это время въ первомъ селеніи находилось на лицо 17, а во второмъ—16 семей. Ревизія-же, произведенная по поводу этого прошенія лѣтомъ 1894 г., дала слѣдующія любопытныя показанія (къ сент. 1894).

Дер. Тюсь-Каинъ. Населеніе—7 семей[1]) (дворовъ) въ количествѣ 28 душъ м. п. и 18 ж. п., всего 46 чел., выходцы изъ Томской губ.[2]) Пашни и сѣнокосы на разстояніи 1—3 верстъ отъ поселка; хлѣба посѣяно въ 1894 г. среднимъ числомъ по 5 дес. на дворъ. Въ прошломъ году (когда жителей было вдвое больше) собрано озимой ржи —168, пшеницы 225 пуд.; сѣна съ одной (?) десятины 1163 копны (каждая копна въ 7 пуд.)

Дер. Чанагаты. Населеніе—8 семей, въ количествѣ 43 д. м. п. и 22 ж. п., всего 65 чел. выходцевъ изъ Томской губ.[3]), лишь одна семья изъ Семирѣченской области[4]). Пашни на разстояніи 1—6 в., сѣнокосъ 1—8 в.; лѣсъ строевой въ 2, дровяной тоже въ 2 верст. Средній посѣвъ хлѣба по 5 дес. на каждый дворъ. Въ 1893 году собрано озимой ржи 72, ярицы—60, пшеницы—125, овса—140, ячменя—114. Урожай сѣна съ одной (?) десятины 1071 копна (въ 7 пудовъ).

А что же третье селеніе, *Балыкъ-Булакъ?* Мы видѣли, что въ прошломъ году велѣно было выселить оттуда 7 семей; имѣлось въ виду, что и остальные два двора не станутъ жить одиночками, т. е. что ур. Балыкъ-Булакъ опять запустуетъ; а между тѣмъ тамъ теперь не только 2, не только 7, не только 9 дворовъ, а цѣлыхъ.... 23, т. е. больше, чѣмъ даже въ остальныхъ двухъ деревняхъ. У всѣхъ избы, готовыя или въ постройкѣ; есть даже мелочная лавочка; жители—пришельцы изъ Томской губ.; изъ тѣхъ, кому въ 1892 г. было разрѣшано переселиться сюда, всего только 3 семьи[5]); осталь-

[1]) Въ іюлѣ: 6 семей, кромѣ трехъ „самовольныхъ".

[2]) Изъ дер. Быковой и Сѣнной Верхъ-Бухтарминской волости.

[3]) Деревень: Золотуха, Нижній Уймонъ, Тауракъ, Нижнечумышская, Бійскаго округа.

[4]) Въ іюлѣ мѣсяцѣ 4 чел. были безъ паспорта.

[1]) Читай: или 2, о коихъ рѣчь была выше, или-же кромѣ нихъ еще одна, перебравшаяся изъ Тюсь-Каина.

ные—кто ушелъ на Тюсь-Каинъ, кто разбрелся по сторонамъ. Это хорошіе пахари; среди нихъ немало пчеловодовъ. Пашни въ $^1/_2$—2 верст., сѣнокосъ въ $^1/_2$—5 верстахъ.

Такимъ образомъ, фактъ былъ на лицо. Балыкъ-Булакъ существовалъ, и при томъ въ размѣрахъ, исключавшихъ всякую возможность серьезно думать объ его уничтоженіи. Дальнѣйшему упроченію кабинскихъ поселковъ немало содѣйствовала новая мѣра, въ настоятельной необходимости которой убѣждалъ самый ходъ предшествующихъ событій. 28 октяб. 1893 г. Кабинетъ Его Величества разрѣшилъ крестьянамъ Алтайскаго горнаго округа свободный выходъ изъ общества, съ освобожденіемъ послѣднихъ отъ уплаты оброчной подати за вышедшихъ членовъ. Послѣдніе могли теперь самостоятельно отвѣчать за себя. Нечего говорить, насколько мѣра эта усилила притокъ новоселовъ на Кабу; но въ тоже время она должна была измѣнить и отношенія мѣстной администраціи къ новоселамъ. Послѣдніе теряли прежній характеръ «незаконности»; юридическихъ препятствій на появленіе ихъ въ долинахъ Кабы болѣе не существовало, и вопросъ долженъ былъ теперь свестись къ иной постановкѣ, правда, не менѣе трудной и щекотливой: насколько допустимы русскія поселенія съ точки зрѣнія интересовъ мѣстнаго киргизскаго населенія. Вопросъ этотъ дѣйствительно тогда-же и былъ поставленъ на очередь. Областная администрація края, какъ естественная защитница интересовъ подвѣдомственнаго ей населенія, энергично указывала на то, что русскій пришелецъ тѣснитъ киргиза, что возникновеніе поселковъ пагубно отражается на экономическомъ благосостояніи туземца, понижая, главнымъ образомъ, размѣры его скотоводческаго хозяйства. Съ этими указаніями, разумѣется, нельзя было не согласиться; но въ тоже время поздно уже было закрывать глаза на фактъ существованія русскихъ поселеній и на постоянный, ничѣмъ неудержимый притокъ русскаго элемента на Кабу. Тамошнее крестьянское хозяйство успѣло пустить на столько уже прочные корни, что всякое выселеніе неизбѣжно подорвало бы благосостояніе весьма значительнаго количества лицъ. Вотъ почему Степной генералъ-губернаторъ (іюль 1895) распорядился отвести новоселамъ землю, образовать отдѣльныя сельскія общества и списаться съ Алтайскимъ горнымъ округомъ и Омской казенной палатою на счетъ ихъ недоимокъ. Такимъ образомъ, сама администрація сознала необходимость узаконить явленіе. Но отводъ земли предполагалось сдѣлать только на ур. Балыкъ-Булакъ, куда свести и тюсь-каинцевъ; „въ Тюсь-Каинѣ же, за малочисленностью семей, селеніе устроено быть

не можетъ, и всѣ живущіе тамъ должны приписаться къ Балыкъ-Булаку или къ Чанагатамъ". Такимъ образомъ Балыкъ-Булакъ и Тюсь-Каинъ помѣнялись ролями: два года назадъ дозволялось поселенію быть только на второмъ урочищѣ, а нынѣ лишь на первомъ. Но подобно тому какъ два года назадъ Балыкъ-Булакъ продолжалъ существовать вопреки предписаніямъ начальства, такъ не сдался теперь и Тюсь-Каинъ. Въ декабрѣ 1895 г. перечисленіе и нарѣзка еще не состоялись: дѣлались справки, розыски и пр., а лѣтомъ 1896 г. я самъ засталъ на Тюсь-Каинѣ 17 дворовъ[1]), 107 душъ жителей, а на оффиціальной картѣ Семипалатинской области видѣлъ показанными всѣ три поселка, не только Балыкъ-Булакъ, Чанагаты, но и самый этотъ злополучный Тюсь-Каинъ.

Даже болѣе. Выше было указано, что въ Тюсь-Каинѣ еще съ ноября 1893 г. существовала должность сельскаго старосты. Эта должность не только не отмѣнена, но лѣтомъ 1896 г. тюсь-каинскій староста завѣдывалъ, кромѣ своей деревни, также Балыкъ-Булакомъ, гдѣ къ выборамъ еще не приступали.

Такимъ образомъ, Тюсь-Каинъ не только не прекратилъ своего существованія, но и оффиціально даже продолжалъ, въ административномъ отношеніи, главенствовать надъ своимъ сосѣдомъ—соперникомъ.

Въ настоящую минуту (іюль 1896) тюсь-каинцамъ недостаетъ лишь увѣренности, что ихъ снова не потревожатъ. Семьи, пришедшія нынѣшнимъ лѣтомъ, еще не рѣшаются обстроиваться, какъ слѣдуетъ. Да, кромѣ того, не у всѣхъ и деньги есть на покупку лѣса, а кто, можно думать, просто выжидаетъ и присматривается: поживется-ли здѣсь, или лучше будетъ снова подняться съ мѣста. Нѣкоторые купили у ушедшихъ старыя избы и живутъ въ нихъ; кто изъ трехъ старыхъ скроилъ одну избу, а кто просто квартируетъ у товарища. Деревня строена въ одинъ порядокъ; собственно «улицы» еще нѣтъ; дома ставлены безъ плана, не въ линію; общій видъ неустройства и безпорядка. Что касается Чанагатовъ, то нынѣшній составъ поселка весь позднѣйшаго происхожденія: изъ первыхъ засельщиковъ на лицо никого уже болѣе нѣтъ. Зерно теперешняго поселенія Чанагатовъ появилось въ Кабинскихъ долинахъ лишь съ 1886 г., съ Уймона и съ Бухтармы; но сперва оно осѣдало на Тюсь-Каинѣ, побывало и на Балыкъ-Булакѣ. Въ нынѣшнемъ 1896 г. въ Чанагаты пришло 20 семей. Вмѣстѣ съ прежними въ іюлѣ мѣсяцѣ было 50, но 5 изъ нихъ тогда-же собирались уходить. Изъ этихъ

[1]) Зимою ихъ было 12, весною 1896 ушло 7, да незадолго передъ моимъ пріѣздомъ набралось опять новыхъ 12 семей.

пяти—четыре прихода нынѣшняго года, одна—изъ болѣе раннихъ. Въ числѣ 45 семей, 39 успѣли обзавестись жильемъ; остальныя 6 пока ютятся по чужимъ дворамъ.

Продолжаетъ рости и Балыкъ-Булакъ, притомъ быстрѣе всѣхъ остальныхъ. Въ 1896 г., начиная съ великаго поста по іюль, пришло 24 семьи, такъ что все населеніе поселка состояло изъ 46 семей. «Старыя» 24 всѣ уже обзавелись домами; изъ новыхъ—лишь 10; всего въ Балыкъ-Булакѣ—34 жилыхъ помѣщенія; остальныя пока еще строятся; къ осени все населеніе будетъ съ домами. Тря—четыре новосела живутъ на сѣнокосѣ и на пашнѣ, готовя сѣно и пары; тамъ и домашность ихъ, а зимою переѣдутъ въ деревню на прочное жилье. Общество дало имъ на это согласіе. Пришельцы почти исключительно съ Бухтармы или съ Уймона; изъ Тюсь-Каина переселилось 2—3 семьи; изъ Чанагатовъ—никого. Населеніе надѣется, что въ скоромъ времени у нихъ будетъ свой сельскій староста.

Вотъ табличка, наглядно показывающая послѣдовательныя колебанія въ ростѣ населенія каждаго изъ поселковъ въ отдѣльности.

I. Тюсь-Каинъ.

1883 г.	первые поселенцы.
1886 г.	200 д. м. п.
1887 г.	на лицо не меньше 30 семей.
1888 г., 19 авг. .	на лицо до 60 семей.
1889 г.	24 семьи (98 м. 73 ж.), 171 чел.
1890 г.	17 семей (80 м. 54 ж.), 134 чел.
1890 г., 6 сент. .	никого (ушли на Чанагаты).
1891 г.	нѣсколько человѣкъ.
1891 г.	не менѣе 16 дворовъ; по другимъ указаніямъ —„17—18 семей".
1892 г., сент. .	не менѣе 14 двор. (2 сем. ушло на Бал.-Булакъ).
1893 г.	8 ревизскихъ душъ.
1894 г., февр. .	16 сем.
1894 г., іюль .	6 сем.
1894 г., сент. .	7 сем. (28 м. 18 ж.), 46 чел.
1895 г., 1 янв.	9 сем. (30 м. 25 ж.), 55 чел.
1895 г., лѣтомъ.	9 сем. (30 м. 25 ж.), 55 чел.
1895 г., осенью	? 27 м. (? ж.), ? чел.
1895—96 г. . .	12 семей.
1896 г., весна .	5 семей.
1896 г., іюль .	17 семей (56 м. 51 ж.), 107 чел.

II. Чанагаты.

1884—1886 г. .	временно бывало до 100 чел.
съ 1889 г.	первые засельщики.
1890 г., 6 сент.	17 сем. (80 м. 54 ж.), 134 чел.
1892 г., 1 янв.	22 сем. (87 м. 66 ж.), 153 чел.
1893 г., 1 янв.	23 сем.
1893 г., весна .	12 сем.
1893 г., лѣто .	17 сем.
1894 г., февр. .	17 сем.
1894 г., сент. .	8 сем. (43 м. 22 ж.), 65 чел.
1895 г., 1 янв.	8 сем. (43 м. 22 м.), 65 чел.
1895 г., лѣто. .	8 сем. (40 м. 26 ж.), 66 чел.
1895 г., осень .	? сем. (50 м. ? ж.), ? чел.
1896 г., іюль .	50 сем. (5 семей собралось уходить).
(послѣ) 1896 г., іюль .	45 сем. (142 м. 116 ж.), 258 чел.

III. Балыкъ-Булакъ.

1887—1888 г.	временно приходившіе.
1889 г.	4 семьи.
1890 г.	тѣ-же 4 семьи.
1891 г.	еще 4 семьи пришло.
1892 г.	до 5 семей пришло.
1892 г., сент. .	2 семьи (4 рев. д.) пришло изъ Тюсь-Каина)
1893 г.	на лицо—9 семей.
1894 г., іюль. .	23 сем.
1895 г.	24 сем.
1896 г., іюль . .	46 сем. Въ 43 сем.: 115 м. 125 ж. (240 об. п.)

X.

Условія жизни на Кабѣ.

Присмотримся-же поближе, какъ устроились переселенцы „на Кабѣ“.

На Кабу *ѣздять*[1]) обыкновенно изъ Бухтарминской долины, черезъ проходы Байберды, Маркасъ или Бурхатъ, всѣ расположенные

[1]) Разстояніе „Кабы“ отъ Алтайской станицы—80—90 в., отъ г. Зайсанска—250 в.; межъ Тюсь-Каиномъ и Балыкъ-Булакомъ—верстъ 25; межъ Тюсь-Каиномъ и Чанагатами—верстъ 25—30; межъ Балыкъ-Булакомъ и Чанагатами—верстъ 30. Озеро Марка-куль лежитъ къ З. отъ Тюсь-Каина и Чанагатовъ верстахъ въ 30—35.

къ В. отъ станицы Алтайской; первый въ 15 в. отъ станицы, на полъ-дорогѣ къ ур. Чингистай, оба вторыхъ—насупротивъ Чингистая. Изъ нихъ Маркасъ самый низкій, и переселенецъ, особенно если онъ ѣдетъ налегкѣ, избираетъ обыкновенно его. Такъ какъ дороги съ Маркаса и Бурхата соединяются на самомъ перевалѣ, то путей на Кабу по южному склону собственно только два.

Болѣе западный—Байбердинскій—идетъ, спускаясь съ перевала—по рѣч. Чурчурдсуу, Таутекеле, по урочищамъ Мынъ-Чункуръ, Кокъ-Джерекъ и Беркутъ-сай; поднимается на кряжъ Джаты-Кезень (7 переваловъ) и Алатау. Спускъ съ восточнаго склона Алатау ведетъ на Кара-Кабу, въ Тюсь-Каинъ; спускъ-же по юго-западнымъ склонамъ—къ Джаманъ-Кабѣ, притоку Черной Кабы. Теченіемъ Джаманъ-Кабы и переваломъ черезъ Чанагатинскія горы выходятъ въ долину Чанагаты.

Второй путь—изъ прохода Бурхатъ и Маркасъ—ведетъ съ точки перевала ущельемъ Тарбагатай на широкую долину того-же названія и входитъ въ узкую щель, образованную съ З. склонами Джаты-Кезеня, съ В.—склонами Кызылъ-Кезеня. По этой щели бѣжитъ Кара-Каба, мѣняющая здѣсь западное свое направленіе на южное. Верховая тропа то вьется вдоль самаго берега, то поднимается вверхъ по т. наз. *приторамъ*, узкимъ тропинкамъ, висящимъ надъ бездною на крутомъ скатѣ горы. Эта часть дороги, на протяженіи приблизительно 8 верстъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ (а временами, весною и осенью, прямо опасныхъ) пунктовъ перехода, но зато чаруетъ путешественника дикимъ величіемъ окружающей природы, своеобразной прелестью пейзажа. Дальнѣйшее движеніе вдоль рѣки становится, однако, положительно невозможнымъ, и верховая тропинка, пользуясь развернувшейся площадкою, отходитъ отъ праваго берега, дѣлаетъ крутой подъемъ на Алатау и, сходясь на этой горѣ съ первой дорогою, спускается съ Алатау на В., въ Тюсь-Каинскую долину, гдѣ Кара-Каба течетъ уже на свободѣ, по открытой равнинѣ.

Зимою ходятъ безъ всякой дороги на лыжахъ, избѣгая глубокихъ долинъ. Внизъ спускаются на салазкахъ.

Зимній путь предпочтительнѣе: лѣтомъ слишкомъ ужъ затруднительна каменистая горная тропа. Но и зима ставитъ свои препятствія: глубокіе снѣга заносятъ проходы. Переѣздъ нерѣдко совершается въ нѣсколько пріемовъ. Пріѣдетъ новоселъ сперва лѣтомъ налегкѣ, заготовитъ сѣно, съѣздитъ обратно и пригонитъ осенью скотъ, что̀ было-бы немыслимо при выпавшихъ снѣгахъ; потомъ сно-

ва вернется домой и зимою уже всю домашность перевозитъ. Конечно, это примѣнимо лишь къ тѣмъ, кто идетъ на Кабу съ сосѣдней Бухтарминской долины. Новоселъ издалека, вродѣ тѣхъ самарскихъ 12 семей, что побывали здѣсь и вернулись, долженъ идти со всѣмъ грузомъ за-разъ. Если даже съ Уймона кто ѣдетъ на Кабу,—а такихъ здѣсь много—вынужденъ идти лѣтомъ, такъ какъ Холзунскій хребетъ, отдѣляющій Уймонъ отъ Бухтарминской долины (а черезъ нее лежитъ дорога на Кабу), въ зимнюю пору почти совсѣмъ непроходимъ. Часть вещей перевозятъ иногда на вьюкахъ, съ каковою цѣлью обыкновенно нанимаютъ киргизовъ. Зимою на дровняхъ везутъ даже телѣги. Но если у кого много домашняго скарба, то приходится ѣхать и лѣтомъ. Въ этомъ случаѣ иногда направляются т. наз. „зайсанскимъ“ путемъ, не съ С., а съ З. или съ Ю.-З. на Алкабекъ и ур. Джейлау. Это путь обходный, болѣе длинный, зато не столь трудный, такъ какъ на дорогѣ нѣтъ такой отвѣсной стѣны, какою является въ этомъ случаѣ хребетъ Алтайскій. Малоопытный переселенецъ изъ „рассейскихъ“, не знающій мѣстныхъ условій, можетъ прямо надорвать свои силы. Мнѣ лично пришлось на вершинѣ Бурхатскаго перевала, натолкнуться на такихъ переселенцевъ. Въ разгаръ южнаго лѣта эти тамбовцы, со всѣмъ своимъ скарбомъ, шли на Кабу Маркасскимъ переваломъ. По каменистой тропѣ, гдѣ даже лошадь съ трудомъ отыскиваетъ себѣ мѣсто, гдѣ бы удобнѣе поставить копыто, они ѣхали, везя съ собою все, даже и телѣги. Разумѣется, послѣднія приходилось разбирать, передки завозились отдѣльно, мелкій скарбъ поднимался на рукахъ, а что потяжелѣе: сундучокъ или въ этомъ родѣ, то тащили вьюкомъ. Спускаться и подниматься—на высоту 8.000 футовъ съ подножія, лежащаго на 3000 фут.—приходилось два—три раза. „Гдѣ камень сбросишь въ сторону, гдѣ землю лопатой расчистишь, чтобъ можно было проѣхать“. Сколько труда, сколько напряженія! Но новоселъ затраты силъ не боится и настойчиво идетъ къ своей цѣли.

Высокій уровень Кабинскихъ поселеній надъ моремъ (до 4400 ф.) сказывается прежде всего въ *климатическихъ* условіяхъ. Несмотря на положеніе южнѣе 49°, т. е. на параллели Кіева и Харькова, здѣсь уже съ половины сентября наступаетъ холодъ, а къ октябрю все покрывается снѣгомъ. Впрочемъ, есть разница межъ Тюсь-Каиномъ, расположеннымъ сѣвернѣе, и Чанагатами, лежащими къ югу. Хотя разстояніе между ними какихъ-нибудь 30—35 верстъ, но Чанагатинскій кряжъ, отдѣляя одну долину отъ другой, все-же оказываетъ свое воздѣйствіе. Въ Тюсь-Каинѣ холоднѣе. Первые заморозки тамъ

бываютъ уже въ началѣ сентября; въ Чанагатахъ, равно какъ и въ Балыкъ-Булакѣ, лишь во второй половинѣ сентября. Тамъ снѣгъ выпадаетъ раньше и доходитъ зимою до 6 четвертей глубины, въ Балыкъ-Булакѣ—отъ 4 до 5, а въ Чанагатахъ его выпадаетъ всего на 3 четверти, не больше. Въ климатическомъ отношеніи Балыкъ-Булакъ почти въ тѣхъ-же условіяхъ, что и Чанагаты. Тамъ, по выраженію мѣстныхъ жителей, „противъ теплыхъ мѣстовъ похолоднѣе, а противъ холодныхъ потеплѣе“. Зимніе вѣтра на Балыкъ-Булакѣ не замѣчаются.

Холода на Кабѣ оканчиваются обыкновенно въ концѣ марта, къ апрѣлю мѣсяцу; снѣгъ сходитъ передъ Егорьевымъ днемъ, но и тутъ онъ имѣетъ тенденцію запаздывать на Тюсь-Каинѣ. Май уже теплый, но бываютъ и холодные дни. Вообще неустойчивость лѣтней температуры большая. Выпадаетъ иней, бываютъ утренники, напримѣръ въ Петровки, тѣмъ чаще въ маѣ мѣсяцѣ.

Мы видѣли выше, какъ трудно было Тюсь-Каину упрочивать свое существованіе. Хотя первая осѣдлость была основана именно здѣсь, но новоселъ постоянно перебѣгалъ на Чанагаты или Балыкъ-Булакъ. Причины этой измѣны первому своему становищу теперь ясны: природа здѣсь оказывалась суровѣе. По наблюденіямъ тюськаинцевъ, осенью имъ приходится чуть не на мѣсяцъ раньше сосѣдей загонять свой скотъ во дворъ на сѣно, а весною почти также мѣсяцемъ позже выгонять его на траву.

Почва здѣсь вообще благодатная. Если въ Тюсь-Каинѣ и встрѣчается суглинокъ съ значительною примѣсью песка и мелкой гальки, а въ южной части Чанагатинской долины—глина, то въ общемъ всюду преобладаетъ хорошій, тучный черноземъ. Въ Тюсь-Каинѣ менѣе аршина глубины чернозема нѣтъ, а встрѣчаются мѣста и въ 2 аршина. Въ Чанагатахъ отъ $^1/_2$—1 арш., даже до 5 четвертей, съ галькою и супесью; въ Балыкъ-Булакѣ отъ $^3/_4$—1 ар. Повсюду обиліе кипца и ковыля показываетъ, что на Кабѣ не мало еще мѣстъ, пока не знающихъ, что такое плугъ или борона. Полосы, гдѣ толща чернозема тоньше, спускается до 4 вершковъ—это на мыскахъ или на взъемахъ въ гору—считаются уже негодными („эти мѣста ни къ чему“).

Тѣмъ не менѣе работы для *пахаря* довольно. Здѣшній черноземъ не изъ мягкихъ. Почва плотная, твердая; поэтому распашка нелегка, сохой нечего и думать поднять пашню. Подъ залогъ запрягаютъ 5—6 (Чанагаты), 7—8 (Тюсь-Каинъ) лошадей, а въ Балыкъ-Булакѣ, гдѣ земля особенно „крѣпка“, требуются безусловно всѣ 8

лошадей. Подъ мягкую пашню, разумѣется, нѣсколько меньше; но для данныхъ мѣстностей въ той-же пропорціи, что и для залога: отъ 4—5 лошадей въ Чанагатахъ, 5—6 лош. въ Тюсь-Каинѣ и 6—7 въ Балыкъ-Булакѣ. Въ послѣднихъ двухъ во всякомъ случаѣ не менѣе 5 лошадей, да и то для Балыкъ-Булака подъ условіемъ, если почва была предварительно разрыхлена и мягка сама по себѣ. Поэтому сохъ почти не знаютъ. Пашутъ тяжелыми плугами съ лемехомъ. Въ Чанагатахъ есть одна пермянка и хорошо работаетъ; три лошади легко поднимаютъ ее; но для залога она все же не годна. Завелась было пермянка и въ Тюсь-Каинѣ, но возложенныхъ на нее надеждъ—поднять залогъ—не оправдала. Впрочемъ, крестьяне готовы объяснить это неправильной установкою орудія.

Пашутъ, гдѣ пришлось: „куда глаза взглянули, тамъ и пашемъ", выражаются кабинцы. «Подъ рядъ 100 десятинъ пашни можно найти по уваламъ; земли хватитъ хоть на 1000 человѣкъ», говорятъ въ Тюсь-Каинѣ. «Если кто раньше 10 десятинъ сѣялъ, а захотѣлъ бы еще вспахать, такъ и то найдется, гдѣ выбрать», выражаются въ Чанагатахъ. Но лучшія *пашни* на склонахъ, гдѣ травянистая растительность поразительна, на долахъ и гривахъ, на материчныхъ земляхъ, около сопокъ. На низинахъ же хлѣбъ дозрѣваетъ не такъ хорошо: тамъ его могутъ прихватить туманы, онъ «занѣжится», замерзнетъ, а то просто зерно пойдетъ въ солому. Низины хороши только подъ травы. Въ Чанагатахъ лишь однажды (въ 1895 году) было, что хлѣбъ вымерзъ, но этотъ случай болѣе не повторялся.

Твердость почвы дѣлаетъ то, что участокъ, однажды распаханый, бросаютъ неособенно охотно, стараясь пахать по возможности на одномъ и томъ-же мѣстѣ, такъ какъ поднятіе залога здѣсь требуетъ вообще громадныхъ усилій и труда. Чтобы сдѣлать пашню годнѣе, обыкновенно «мягчатъ» ее, что необходимо уже по одному тому, что иначе въ жаркіе годы посѣвъ выгорѣлъ бы на твердыхъ земляхъ. Если это не залогъ, то иногда сѣютъ «на лѣпивку», т. е. прямо на неперепаханную землю, лишь-бы она была мягкая, а не твердая; такая земля родитъ то-же, что и паханная. Въ Тюсь-Каинѣ мнѣ показывали подлѣ деревни небольшой участокъ, на которомъ сѣютъ и собираютъ хлѣбъ будто-бы 17-й годъ подъ рядъ. Принять эту цифру значило-бы допустить первое появленіе новоселовъ уже въ 1880 г., между тѣмъ другія свидѣтельства не восходятъ далѣе 1883 г. Ничего невѣроятнаго, однако, не представляетъ и первая дата. Во всякомъ случаѣ и 14-лѣтній періодъ достаточно дологъ для производительности земли.

Въ Чанагатахъ по залогу *сѣютъ* обыкновенно пшеницу или рожь; на второй годъ пашню перепахиваютъ далеко не всегда, но чаще сѣютъ «на лѣнивку», и притомъ ту-же пшеницу или рожь: другой хлѣбъ нельзя, такъ какъ отъ перваго посѣва выростаетъ довольно густой падаликъ, и въ такомъ случаѣ вышла бы мѣшанина. При желаніи, можно спокойно засѣвать пашню тою-же пшеницей и на третій годъ, даже на четвертый; это не только не рискованно, но отчасти даже и лучше, такъ какъ земля успѣетъ къ этому времени удобриться и стать мягче. Для озимаго залогъ вспахиваютъ въ Петровки и прямо засѣваютъ; а то пашутъ и весною, сейчасъ же засѣвая «съ борозды».

Арыки есть только въ Чанагатахъ, но и то немного, въ Тюсь-Каинѣ находятъ, что ихъ и совсѣмъ не надо: была сдѣлана проба, но оказалось, что только хлѣба «нѣжатся», позже дозрѣваютъ, а этого здѣсь въ особенности приходится избѣгать. Зато въ Балыкъ-Булакѣ думаютъ, что если не сейчасъ, то позже арыки все равно понадобятся, и ихъ придется провести за Арасаномъ, что подъ уваломъ, подлѣ дороги.

Сѣять начинаютъ въ Чанагатахъ и въ Балыкъ-Булакѣ около Егорьева дня; въ Тюсь-Каинѣ нѣсколько позже, съ 1 мая; раньше же—если позволитъ тепло. Посѣвъ ведется обыкновенно съ «борозды», т. е. тотчасъ послѣ вспашки; впрочемъ, нѣкоторые готовятъ пашню и съ осени. Посѣвъ дѣлается съ разсчетомъ окончить его къ 9 мая: «дальше Николы весна не идетъ, а потому и сѣять нельзя». На одну десятину высѣвается пшеницы, ярицы или ячменя не болѣе 4—5 пуд., а овса—8 пуд. Почва производитъ всѣ сорта хлѣбныхъ растеній, за исключеніемъ гречи. Лучше всего родятся ржи—въ Тюсь-Каинѣ, ржи и ячмени—въ Балыкъ-Булакѣ; что-же до Чанагатовъ, то благодаря болѣе южному положенію и хорошей защитѣ отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, дующихъ съ Алтайскаго хребта, тамъ, кромѣ этихъ двухъ злаковъ, также хорошо родится и пшеница, хотя, впрочемъ, и здѣсь изъ яровыхъ хлѣбовъ ячмень и ярица болѣе всего гарантируютъ земледѣльца. Изъ пшеницы же разводится бѣлотурка, обыкновенная русская (какъ ее здѣсь называютъ), черноуска, голоколоска. Проса сѣется мало; оно вызрѣваетъ съ трудомъ. Въ Чанагатахъ пробовали какъ-то развести макъ, да неудачно; зато горохи тамъ хороши.

Хотя лѣтомъ и выпадаютъ *утренники*, но хлѣбу они не вредятъ; при томъ бываютъ они около рѣкъ, подлѣ согры, такъ что зерно дозрѣваетъ свободно. «А сначала всетаки опасались». Заморозки начина-

ются уже послѣ того, какъ окончится жатва. Рожь поспѣваетъ обыкновенно къ 1-му августа, но въ Чанагатахъ, когда и раньше, съ Ильина дня. Ячмень въ Тюсь-Каинѣ мало отстаетъ отъ ржи, а пшеницу жнутъ на 7—10 дней позже. Къ розговѣнью (15 августа) обыкновенно поспѣваетъ весь хлѣбъ во всѣхъ долинахъ, но въ Балыкъ-Булакѣ пшеница и овсы нерѣдко запаздываютъ.

Пятьдесятъ пудовъ *сбора съ десятины* считается низкимъ урожаемъ. У балыкъ-булакцевъ это «самый послѣдній», въ Тюсь-Каинѣ цифру поднимаютъ до 70—80 пуд., а въ Чанагатахъ наименьшимъ сборомъ считаютъ 70 пуд. для пшеницы и 100 пуд. для ярицы. Среднимъ урожаемъ считаютъ 100 пуд. въ Тюсь-Каинѣ, 120—въ Чанагатахъ; и 70 пуд. въ Балыкъ-Булакѣ. Сбора выше 120 п. тюсь-каинцы не знаютъ; балыкъ-булакцы лучшимъ называютъ 100—120 пуд., а чанагатинцы—150 пуд. Тамъ былъ однажды случай сбора 220 пуд. ржи озимой съ одной десятины. Разумѣется, цифры эти не должны претендовать на точность, давая лишь приблизительное понятіе объ урожаяхъ, но вообще замѣчено, что урожаи въ Чанагатахъ лучше чѣмъ въ Тюсь-Каинѣ: „тамъ (т. е. въ Тюсь-Каинѣ) къ бѣлкамъ ближе". Въ 1895 г. нѣкоторые чанагатинцы намолотили до 1000 пуд. хлѣба.

Въ годъ моего пріѣзда (1896) въ Тюсь-Каинѣ было *посѣяно:* 40 дес. ранѣе прибывшими (5 семьями) и 20 дес. вновь прибывшими (12 сем.); въ Чанагатахъ: ярицы—35 дес., пшеницы—71 дес., овса—26 дес., ячменя—36 дес., проса—½ дес., картофеля—½ десят., гороха—4 дес., льна—4 дес., конопли—2 дес.; въ Балыкъ-Булакѣ всего посѣва—120 дес.; 24 «старыхъ» двора (прибывшихъ раньше 1896 г.) сѣяли кто 5, кто 3 или 4 дес.; ни одинъ болѣе 6. Произвести большій посѣвъ было еще затруднительно, такъ какъ земли распаханной еще мало, поднимать-же залогъ, какъ мы видѣли, очень трудно.

Вообще можно признать, что хлѣбопашество на Кабѣ вполнѣ возможно[1]). Другой вопросъ—на долго-ли оно обезпечено? Я хочу этимъ сказать, надолго-ли сохранитъ почва свою дѣвственную силу и продуктивность, не окажется-ли она вскорѣ выпаханною и истощенною, подобно тому, какъ это случилось въ долинѣ Бухтарминской, на казачьихъ надѣлахъ—Алтайскомъ и Урульскомъ? Дать отвѣтъ на этотъ вопросъ я не берусь.

Впрочемъ, кабинцы кормятся не отъ одной земли. Обширныя пажити, зеленые склоны горъ благопріятствуютъ здѣсь развитію

[1]) Вызрѣваютъ даже дыни и арбузы.

также *скотоводства*. Въ іюнѣ 1896 г. числилось скота: въ Тюсь-Каинѣ—140 лошадей, 150 рогатаго и 50 барановъ, считая тутъ и скотину вновь прибывшихъ новоселовъ (17 сем.), значитъ, по 8—9 головъ крупнаго скота на каждый дворъ; въ Чанагатахъ на 45 домохозяевъ—272 лошади (6 головъ на дворъ), 460 рогатаго (по 10 на дворъ), 30 барановъ; въ Балыкъ-Булакѣ у 26-ти домохозяевъ—251 лошадь (почти 10 на дворъ), 244 рогатаго (9 на дворъ). Рогатый скотъ пасется на подножномъ корму по близости деревни; табуны-же лошадей угоняются на все лѣто «на бѣлкѝ» и «на джейлау», подъ присмотромъ киргизовъ-пастуховъ. Коренное зло края—сильно развитое конокрадство—немало тормозитъ разведеніе табуновъ. «Орда» близко; грань тоже не далеко: верстахъ въ 40 отъ Тюсь-Каина, въ 15—18 отъ Балыкъ-Булака, и киреи постоянно угоняютъ лошадей. Пастухи изъ русскихъ были-бы немыслимы; они ничего не могли бы подѣлать. Зато и плата здѣшнему пастуху очень высокая. Тюсь-каинцы съ каждой лошади платятъ 25 к., чанагатинцы—40 к., а балыкъ-булакцы, расположенные всего ближе къ границѣ—даже 45 коп. Рогатый скотъ остерегаются оставлять на ночь и загоняютъ его во дворъ; въ Чанагатахъ пастухъ за рогатымъ скотомъ русскій. За пастьбу ему платится съ коровы: въ Тюсь-Каинѣ—20 коп., въ Чанагатахъ—18 коп. (20 к. въ 1895 г.); въ Балыкъ-Булакѣ—18 коп., за барановъ съ головы: въ Тюсь-Каинѣ—8 коп., въ Балыкъ-Булакѣ—10 коп. Кромѣ того, каждое воскресенье (по крайней мѣрѣ, это такъ въ Балыкъ-Булакѣ) пастухъ обходитъ дворы и получаетъ по калачу, болѣе или менѣе, смотря по количеству скота у хозяина, а также въ зависимости отъ доброй воли. Подпасковъ пастухи нанимаютъ уже отъ себя. Скотъ вновь прибывшихъ новоселовъ пасется совмѣстно съ остальными.

Заготовка *сѣна* дѣлается по мѣрѣ потребностей: кто 200 копенъ ставитъ, кто 500, а кто и 1000 (Тюсь-Каинъ). У одного домохозяина 50 головъ скота, и ему понадобится на зиму сѣна 500 копенъ, въ 6—7 пуд. каждая (Чанагаты). Обыкновенно разсчитываютъ, чтобы на каждую голову пришлось по стогу въ 25 копенъ (Балыкъ-Булакъ). Сѣнокосъ начинается съ Петрова дня. Въ 1896 г. въ Тюсь-Каинѣ травы были очень хороши, но чанагатинцы жаловались на плохой урожай: приходилось косить вдалекѣ отъ деревни, не на долинѣ, а на бѣлкахъ. Подлѣ Балыкъ-Булака тоже нѣтъ близко настоящихъ луговыхъ покосовъ, все больше мелкими лужками, неровныя мѣста съ чащею. Зато „на бѣлкахъ" покосы превосходны.

Окрестныя горы и лѣса богаты *дикимъ звѣремъ*: соболь, медвѣдь,

лисица, архары, горные козлы, косули, бѣлка, сурокъ играютъ не малую роль въ экономической жизни населенія. „Чернаго звѣря“ (медвѣдя) звѣруютъ не особенно въ большомъ количествѣ; эта охота трудная и требуетъ спеціальныхъ наклонностей; охотятся большею частью съ ружьемъ, о капканахъ-же, ловушкахъ и т. п. приспособленіяхъ въ Балыкъ-Булакѣ не слыхать; промышленниковъ тутъ еще мало, и „нѣтъ настоящихъ охотниковъ“, но заводятся капканы въ Тюсь-Каинѣ. Очень распространена охота на бѣлку, благодаря ея прибыльности. Особенно много ловится этого звѣрька зимою, когда и шкурка его считается лучшею. Хорошій охотникъ въ одинъ день набьетъ до 40 штукъ и заработаетъ до 8 руб.; цѣна на бѣлку не отличается большой устойчивостью, колеблясь въ предѣлахъ 15—26 коп. за шкурку; но разъ цѣна установлена, она остается таковою на круглый годъ. Шкура медвѣжья идетъ въ 10, 15 и до 30—35 руб.; соболь отъ 3 до 15, 20 руб., лисица отъ 2 до 3 руб.

Начали разводить и *мараловъ*. Извѣстно, что мараловодство довольно распространено въ долинахъ Бухтармы, Уймона, Коксу; на Берели братья Бѣлоусовы имѣютъ маральники въ нѣсколько сотенъ головъ и ведутъ торговлю не на одинъ десятокъ тысячъ рублей. Кабинскіе новоселы, какъ пришельцы именно изъ этихъ мѣстъ, продолжаютъ и на Кабѣ промышлять мараловодствомъ. Но здѣсь этотъ промыселъ, требующій времени и крупныхъ денежныхъ затратъ, находится пока еще въ зародышѣ. Лѣтомъ въ 1896 г. въ трехъ деревняхъ было всего 7 маральниковъ на 28 головъ. Мараловъ держатъ въ „садахъ“ болѣе или менѣе обширныхъ пространствахъ, по возможности и съ травой, и съ лѣскомъ, и съ водою, огороженныхъ вродѣ деревенской поскотины. Тюсь-каинскіе маральники, напримѣръ, расположены на склонѣ горы, занимаютъ нѣсколько десятинъ пространства и даютъ прекрасное помѣщеніе для животныхъ, которыя находятъ тутъ желанный просторъ и обильный кормъ въ травѣ, въ ростъ человѣка, и тѣнь подъ деревьями. Маральи рога спиливаются обыкновенно въ іюнѣ; операція эта очень болѣзненная и сопровождается большою потерею крови. На свѣжихъ рогахъ—мягкая пушистая шерстка. Спиленные рога вывариваютъ въ водѣ, «круто» посыпая ее солью. Будучи сварены, рога дѣлаются мягкими, но потомъ снова твердѣютъ. Мнѣ показывали въ Тюсь-Каинѣ образецъ аршина $1^1/_2$ длиною. Рога, какъ извѣстно, сбываются въ Китай, гдѣ ихъ цѣнятъ за приписываемыя имъ медицинскія свойства. Но для этого необходимо, чтобы рога были сняты во время. Если же они сброшены осенью или зимою самимъ мараломъ, который, обчесавъ

шерсть о дерево, сваливаетъ рога съ головы, то такіе въ глазахъ китайцевъ никакой цѣны не имѣютъ. Самое большее, на что они тогда годны—это на разныя подѣлки; продажная цѣна таковымъ 20 руб. за пудъ, тогда какъ настоящимъ—не менѣе 5 р. за фунтъ.

Богатая флора Кабинскихъ долинъ весьма способствуетъ разведенію пчелъ. *Пчеловодство* здѣсь дупляночное, и медъ отличается замѣчательной бѣлизною, мягкостью и ароматичностью. Въ трехъ деревняхъ насчитывается до 30 пасѣкъ неодинаковыхъ размѣровъ. Въ Тюсь-Капнѣ до 5 пасѣкъ, по 10—20 колодъ въ каждой; въ Чанагатахъ пасѣки у 7-ми домохозяевъ съ общимъ числомъ колодокъ—155. Есть пасѣка всего въ одну колоду; другія по 5, 20, 30 и 50 колодъ. Въ Балыкъ-Булакѣ, самомъ молодомъ поселкѣ, пасѣкъ всего болѣе, десятка съ два. Есть до 5 пасѣкъ, гдѣ въ каждой насчитывается по 100 колодокъ; въ остальныхъ же 25, 10 колодокъ; есть пасѣка и въ 5 кол., не болѣе. Добыча меда пока еще не велика, и онъ идетъ почти исключительно для домашняго употребленія. Изъ него выдѣлываютъ питье, такъ наз. *квасокъ*, перебродившій медъ, нѣсколько хмѣльный, но въ очень слабой степени.

Въ рѣкахъ ловится *рыба* хайріусъ (Thymallus vulg.), ускучъ (Chondrostoma), таймень (Salmo fluv.). Еще болѣе добываютъ ее въ сосѣднемъ озерѣ Марка-кулѣ. Одинъ рыболовъ сѣтями налавливаетъ въ день отъ 3 до 6 пудовъ рыбы. Главный ловъ въ озерѣ происходитъ съ конца августа, въ сентябрѣ и октябрѣ и возобновляется съ апрѣля и до конца мая. Продажная цѣна на мѣстѣ—50 коп. за пудъ. Впрочемъ, съ цѣлью продажи на сторону рыболовствомъ занимаются пока еще немногіе; вообще рыболововъ въ трехъ кабинскихъ деревняхъ насчитывается всего 13 семей.

Склоны Кабинскихъ долинъ обилуютъ *лѣсомъ*. Рубить его можно когда угодно; раньше дозволялось лишь въ зимніе мѣсяцы съ 15-го сентября по 15 апрѣля. Пользованіе лѣсомъ поставлено на общихъ основаніяхъ съ уплатой за каждое бревно по казенной таксѣ. Кабинецъ, однако, не свыкся съ этими «общими основаніями»; онъ жалуется на «стѣсненіе въ лѣсѣ»: «не даютъ и лежачаго лѣса собирать или ломанаго валежника, а его то-бы и хорошо». Много лѣса и травы было выжжено въ 1892 и 1893 г.г. киргизами, мстившими за вынужденный уходъ съ ихъ старыхъ лѣтовокъ и зимнихъ стойбищъ. По Кабѣ, отъ ур. Тарбагатай до горы Алатау, и теперь еще мрачно сѣрѣютъ громадныя площади лѣса, сожженнаго тоже киргизами, бѣжавшими 20 лѣтъ назадъ съ Чингистая въ Китай.

По берегамъ Тюсь-Капна и Чанагатовъ подъ верхнимъ пла-

стомъ чернозема лежитъ довольно толстый слой коричневой *глины*, изъ которой выдѣлывается прочная посуда: крынки, корчаги, жаровни, котелки. Настоящихъ гончаровъ еще нѣтъ, и дѣло это требуетъ еще правильной постановки и организаціи.

Стоитъ, наконецъ, отмѣтить, что въ Чанагатахъ существуетъ небольшой кожевенный *заводъ* у крестьянина Кузьмы Ошлакова.

Обмѣнъ продуктовъ, конечно, еще весьма незначителенъ. *Пушнину* везутъ для продажи на Никольскую ярмарку (въ декабрѣ) въ станицу Алтайскую; *масло*, немного *рыбы*—туда-же. Маральи *рога* не легко находятъ сбытъ на мѣстѣ; ихъ приходится вывозить «на Бухтарму» (т. е. въ поселенія, расположенныя въ долинѣ Бухтарминской), чаще всего въ казачій поселокъ Уруль, гдѣ ихъ пріобрѣтаютъ скупщики, спеціально пріѣзжающіе съ этой цѣлью: бійскіе купцы—Копыловъ и друг. Цѣна на рога нынче очень упала, до 5—5$^1/_2$ руб. за фунтъ. Небольшой излишекъ *хлѣба* сбывается или новоселамъ, еще не успѣвшимъ обзавестись своимъ зерномъ, или на сторону, китайскимъ урянхаямъ и киргизамъ. Тѣ охотно берутъ пшеничную муку (никогда не зерномъ) и ячмень (всегда въ зернѣ). Пшеница идетъ за 50 коп. пудъ, ячмень—въ 25—30 коп. Впрочемъ, съ пограничнымъ инородцемъ торговля болѣе мѣновая, и только что показанныя цифры имѣютъ лишь приблизительное значеніе. Правильнѣе было бы сказать, что мѣшокъ пшеницы въ 6 пудовъ, въ Алтайской станицѣ стоимостью въ 2 р. 40 к., урянхаецъ вымѣниваетъ у кабинца за шкурку соболя, базарная цѣна коей въ той же станицѣ не менѣе 15 руб. За 2 пуда пшеницы можно получить шкурку куницы въ 4 руб. Отсюда видно, что цѣны сильно колеблются, что и неизбѣжно при мѣновой торговлѣ. Но во всякомъ случаѣ обмѣнъ даетъ новоселамъ хорошую прибыль.

Въ Балыкъ-Булакѣ уже нѣсколько лѣтъ крестьянинъ Красковъ держитъ небольшую *лавку* съ продажею мелкихъ, бакалейныхъ и мануфактурныхъ товаровъ. На полкахъ находятъ себѣ мѣсто, рядомъ съ кирпичнымъ чаемъ, револьверы, шапки и гвозди, ситцы и чайники, мыло и нитки. Товаръ закупается у усть-каменогорскихъ купцовъ; расплата съ ними производится бѣлкой, соболями, медвѣдемъ и др. мѣхами, медомъ, масломъ и т. п. Послѣднее все скупается у мѣстныхъ жителей.

Вообще, можно сказать, край представляетъ всѣ условія для жизни и безбѣднаго существованія, и неудивительно, если русскій крестьянинъ, съ прирожденной ему смѣткою, понялъ, что здѣсь онъ не пропадетъ.

XI.

Причины тяготѣнія къ Кабѣ.

Что же вообще влечетъ переселенца на Кабу?

Во-1-хъ, извѣстную роль играютъ мотивы *религіозные.* Бухтарминскій край, дающій главный контингентъ переселенцевъ, населенъ преимущественно раскольниками разныхъ толковъ; особенно много здѣсь представителей безпоповщинской секты. Уйти отъ міра, отъ церкви—ихъ тайное желаніе. Правда, они не жалуются на притѣсненія; лишь нѣсколько лѣтъ развѣ назадъ возникло у нихъ непріятное столкновеніе изъ за руги, которую начальство обязывало платить въ пользу православнаго духовенства наравнѣ съ православными, и когда раскольники отказались, то руга—мука, зерно, холстъ—силою была взята изъ амбаровъ со взломомъ замковъ. Это все для нихъ, впрочемъ, полъ-бѣды; но вотъ—устройство церквей, которыхъ раньше не было ни одной, появленіе миссіонеровъ; вообще болѣе частое соприкосновеніе съ православными—все это, дѣйствительно, вызываетъ борьбу, и уже не на почвѣ экономической, а идейной. Сознавая свое безсиліе, раскольникъ и спѣшитъ уйти, какъ онъ говоритъ, «подальше отъ соблазна». Молодое поколѣніе не такъ уже отзывчиво къ старымъ завѣтамъ; табакъ, вино, общеніе съ церковниками въ глазахъ его не составляютъ уже большого преступленія; и вотъ старшіе поднимаются съ насиженнаго мѣста, въ надеждѣ уберечь свои идеалы въ глухихъ дебряхъ и долинахъ за снѣжнымъ хребтомъ.

Другой факторъ—мотивы *экономическіе.* Бухтарминскія горы, крутыя, высокія совсѣмъ сдавили тамошняго жителя. «Уйдетъ это скотина въ горы, ищешь ее иной разъ цѣлыхъ полъ-дня, да и то невсегда отыщешь; а какъ уйдетъ совсѣмъ въ бѣлки, перевалитъ по ту сторону ихъ, такъ хоть и совсѣмъ считай ее пропащей». Кромѣ того, на старомъ мѣстѣ становится слишкомъ тѣсно. Какъ ни странно звучитъ это по отношенію края, гдѣ населеніе такъ рѣдко, но пока экстенсивная культура полей не замѣнится интенсивною, до тѣхъ поръ нашему крестьянину все будетъ „тѣсно". И замѣтьте, на Кабу гонитъ не одна только бѣдность, но и богатство. Бѣднота идетъ, потому что дома маленькій участокъ земли не въ силахъ прокормить ее, не говоря уже про то, что на новыхъ земляхъ бѣднякъ пока, первые годы—а вѣдь и это много значитъ!—свободенъ отъ податей и повинностей. Покуда-то найдутъ его тамъ, покуда-то будутъ переписываться, сноситься—времени пройдетъ довольно,—

крестьянинъ знаетъ это по опыту. „Оленгуръ, хоть и голимый камень, зато податей нѣтъ“, пришлось мнѣ выслушать замѣчаніе одного кабинца. А Оленгуръ—это одинъ изъ пунктовъ Бѣловодья. Не даромъ же тянетъ такъ къ себѣ это Бѣловодье порубежнаго человѣка.

Человѣка съ достаткомъ Каба манитъ своимъ привольемъ. Чѣмъ онъ богаче, чѣмъ болѣе у него скота, чѣмъ больше экономической правоспособности засѣять хлѣба, тѣмъ, дѣйствительно, теснѣе ему дома: надѣла мало; на новыхъ же мѣстахъ паши, сколько хочешь, разъ есть чѣмъ вспахать и что посѣять; держи, сколько хочешь сотенъ головъ—для всѣхъ найдется вдоволь корма.

Наконецъ, я указалъ бы еще и на третій мотивъ, побуждающій къ выселенію,—мотивъ, лежащій въ самомъ *характерѣ населенія*. Духъ подвижности, неосѣдлости, дѣятельной энергіи—болѣе или менѣе обычная черта тѣхъ, кто идетъ на Кабу. Это положительно наши скуоттеры, родные братья по духу тѣмъ американскимъ піонерамъ, что съ ружьемъ и топоромъ въ рукахъ прокладывали себѣ дорогу на далекій Западъ. Надо видѣть кабинца, чтобъ составить себѣ понятіе о той мощи, какая живетъ въ немъ, о томъ запасѣ внутреннихъ силъ, какими онъ располагаетъ.

Винтовка за плечами, ножъ за голенищемъ сапога—обычные его спутники. Онъ и теперь уже, едва пришелъ на Кабу, отыскиваетъ дорогу дальше. Китайское озеро Канасъ ему знакомо: онъ ловитъ тамъ рыбу; съ убѣжденіемъ и не безъ пониманія топографическихъ условій мѣстности начнетъ онъ доказывать, что государственною границей должна быть не Акъ-Каба въ своихъ верховьяхъ, а Нарымъ-Каба, восточнѣе Акъ-Кабы.

Сколько ихъ уже побывало на Бѣловодьѣ, т. е. искало его! Кого вернули силою, кто самъ вернулся, чуть не погибнувъ на дорогѣ, и тѣмъ не менѣе завтра-же—представился-бы только случай—они не откажутся повторить опасное предпріятіе. Не сдерживайте этихъ—не знаю, какъ назвать ихъ: полуудальцовъ, полуразбойниковъ,—и мы черезъ 50—60 лѣтъ завоюемъ всю Монголію, не потративъ ни фунта пороха, не погубивъ ни одного полка солдатъ.

Воспитанное чувство свободы находитъ на Кабѣ болѣе широкое выраженіе. Каждый сознаетъ себя здѣсь хозяиномъ; земли довольно, спорить не изъ-за чего, начальства почти не видать. Уже и теперь, не довольствуясь названными деревнями, кабинцы отыскиваютъ новыя мѣста для заселенія. Забираются уже совсѣмъ на югъ отъ Маркакуля, на Алкабекъ. Небольшая группа въ 2—3 семьи арендовала участокъ земли въ 3-хъ верстахъ отъ границы, не только вдали отъ

русскихъ селеній, но и вдали отъ киргизовъ—русскихъ подданныхъ, потому что въ эту мѣстность на лѣтнее время заходятъ на кочевку китайскіе киргизы цѣлыми аулами,—и ничего себѣ: живутъ и пашутъ!

При такихъ условіяхъ переселенцу изъ Европейской Россіи нечего и думать состязаться съ кабинцами. Послѣдній хорошо чувствуетъ свое преимущество и очень образно опредѣляетъ, почему „россійскій" не уживается на Кабѣ, а уходитъ обратно. „Здѣсь трактъ верховой, а не телѣжный. Куда тутъ съ телѣгами? А ему 80 пуд. на телѣгу положить надобно! Ѣдетъ онъ верхомъ, едва сидитъ; киргизъ чуть тронетъ его, али прикрикнетъ, онъ такъ и валится; да и винтовки-то держать въ рукахъ онъ не умѣетъ".

Кабинцы все народъ трезвый, вина не пьющій; самое большее, что дозволяютъ они себѣ—это квасокъ, приготовляемый изъ меда и болѣе освѣжающій, чѣмъ горячительный. Народъ физически крѣпкій, здоровый, съ увѣреннымъ и осмысленнымъ взглядомъ. Труда кабинецъ не боится, и потому хочется вѣрить, что будущее у него есть. Затрудненія съ администраціей, надо надѣяться, лишь временное явленіе; съ годами это все сгладится.

Надо только помочь ему устроиться въ отношеніяхъ съ киргизами. Отношенія эти, разумѣется, обострены. Киргизъ видитъ въ немъ насильника, который залѣзъ въ его землю, а переселенецъ не признаетъ правъ того, говоря: это земля царская, т. е. наша. Отсюда постоянныя столкновенія. Обмануть киргиза, подстрѣлить его—самое обыкновенное для переселенца дѣло.

Но кабинецъ по натурѣ человѣкъ мирный. При всей своей смѣлости и заносчивости, онъ самъ идетъ на встрѣчу упорядоченнымъ отношеніямъ съ сосѣдями. Въ Балыкъ-Булакѣ мнѣ пришлось натолкнуться на любопытное явленіе. Наканунѣ моего пріѣзда жители деревни заключили съ заграничными киреями, китайскими подданными, формальный договоръ на киргизскомъ языкѣ, скрѣпленный обоюдными подписями и 17-ю съѣденными баранами, о взаимной помощи и содѣйствіи въ поимкѣ конокрадовъ. Моимъ пріѣздомъ воспользовались, чтобъ—какъ выражались крестьяне—скрѣпить этотъ договоръ еще болѣе, и я, долженъ покаяться, на минуту игралъ самозванную роль агента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, пропагандируя китайскимъ киргизамъ мысль, что у Бѣлаго Царя и Дайцинскаго Императора, у обоихъ, земли довольно, и что обоимъ народамъ выгоднѣе жить въ согласіи, чѣмъ въ распрѣ.

XII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Заканчивая свое сообщеніе о русскихъ поселеніяхъ за Южнымъ Алтайскимъ хребтомъ на китайской границѣ, позволю себѣ съ особою силою подчеркнуть одну сторону разсматриваемаго явленія. Алтайскій край извѣстенъ намъ болѣе полутораста лѣтъ, и втеченіе всего этого времени наблюдается неустанное, ничѣмъ неудержимое стремленіе къ пресловутому Бѣловодью. Причинъ этого движенія я лишь коснулся, намѣтилъ ихъ слегка, можетъ быть, даже слишкомъ поверхностно. Но каковы-бы ни были эти причины, ясно, что остановить самаго движенія мы не въ силахъ, и въ этомъ необходимо разъ навсегда убѣдиться. Ставить ему препятствія—значило-бы лишь создавать затрудненія и себѣ и ему, значило-бы заставлять отыскивать выходъ инымъ, косвеннымъ путемъ. „Бѣловодья" не уничтожить однимъ распоряженіемъ. Оно уничтожится само собой, когда измѣнятся культурныя условія края, экономическая и духовная обстановка жизни порубежнаго населенія.

Самое большее, что возможно съ нашей стороны—это регулировать настоящее движеніе. Но для этого необходимо *прежде всего* изучить самое явленіе и ясно представить себѣ процессъ его. Вотъ почему задача—изслѣдовать матеріальный бытъ и духовныя побужденія южно-сибирскаго порубежнаго населенія,—изслѣдовать, отчего оно такъ тяготѣетъ къ пограничной полосѣ;—далѣе: изслѣдовать, какъ далеко, при какихъ условіяхъ, при какой обстановкѣ проникаетъ въ Монголію за предѣлы государственной территоріи русскій человѣкъ;—изслѣдовать, какъ онъ отстаиваетъ свое существованіе въ борьбѣ съ враждебными ему силами, людьми и природой; наконецъ, изслѣдовать, съ какими духовными и матеріальными средствами идетъ онъ туда и какъ примѣняется къ новымъ условіямъ жизни,—задача эта, смѣю думать, вполнѣ достойна вниманія лицъ, посвятившихъ себя изученію бытовыхъ сторонъ жизни современной Сибири, тѣмъ болѣе, что вопросъ самъ по себѣ, и по содержанію, и по своимъ размѣрамъ, даетъ возможность очень широкаго отвѣта: полнѣе уяснить себѣ характеръ, духовный складъ и особенности не одной только Сибири, но и всего многомилліоннаго русскаго народа. А надъ исполненіемъ такой задачи стоитъ и поработать, и не бояться усилій.

10p

